

ВСЕМИРНЫЕ

ОДЕССКІЯ НОВОСТИ

газета политическая, литературная, научная, общественная и коммерческая.

в мѣ "Юнионъ"
состоится
АНОНСЪ. СОСТОИТСЯ ТОЛЬКО ОДИНЪ КОНЦЕРТЪ
въ залѣ новой биржи
въ понедѣльникъ въ 8 часовъ

Маріи Ивановны Долиной

ГАЗЕТА ВСЕМИРНОГО КЛУБА
ОДЕССИТОВ

№ 3 (62)

Май. 2006 год.

Долгая
была
война

Думаю, среди наших читателей вряд ли найдется более десятка человек, которые на память скажут, когда началась и когда окончилась первая отечественная война 1812 года. Это для нас — седая история. А вот Великая Отечественная, начавшаяся 22 июня 1941 года и завершившаяся нашей Победой 9 мая 1945 года для очень многих остается частицей их жизни, судьбы их семьи.

Вот и я, и моя жена недавно получили еще один отпечаток этой памяти в документах — "дети войны". Необычное словосочетание. Мы — дети своих родителей; дети Одессы. Но ведь и вправду, мы "дети войны". Она прошла по нашей судьбе, и останется ее отпечаток, пока живы.

Как-то недавно дома мы вспомнили стихи одного из самых ярких поэтов военного поколения, Бориса Слуцкого. Это у него есть такие строки: "А война была четыре года. Долгая была война".

Даже трудно себе представить, до чего долгая. И не только для солдат-окопников, прошедших ногами пол-Европы. Но и для меня, мальчишки, который отступал от Одессы с военным поездом, в теплушке, где ехали солдаты из роты, которой тогда командовал отец, отступали до Днепропетровска, там солдаты вновь зарылись в окопы, а я с матерью, теперь уже с прифронтовым, а потом с эвакуогоспиталем продолжили путь на восток. Куда только не бросало нас неведомое командование: Красноводск, Фергана, Ташкент, Сочи. Дольше всего мы пробыли в Гаграх и Сочи — там прошло 10 апреля 1944 года — праздник, который, казалось, поднял на ноги всех тяжелораненных, главный праздник. Летом 1944 года мы были уже в Одессе. Госпиталь, где работала врачом мать, помещался на Лермонтовском курорте, я в сентябре 1944 года наконец-то пошел в 107 школу. А война еще продолжалась. Как мы ждали ее окончания! И вот наступил этот день — 9 мая 1945 года. Могу ли я его забыть? Никогда. И дочь моя, с которой в ее детские годы я ходил на Аллею Славы, ощущает его своим праздником. И, надеюсь, внучка Сонечка запомнит, что в документах деда стояла странная печать — "дети войны".

Мог бы тут поставить точку. Война, сколь бы долгой она не была, когда-то кончается. Но позвонил мне краевед Р. Александров, напомнил чей-то афоризм: война кончается только тогда, когда захоронен последний солдат. Несколько дней назад усомнился в его мудрости. На памятнике Праведникам мира в Одессе какая-то фашистская сволочь нарисовала свастику.

Значит, продолжается бой с фашизмом. Значит, не четыре года, а 65 лет идет война. Она завершится победой добра над злом. Нет, не напрасно сложили свои головы в той войне десятки миллионов советских людей. Они приближали Победу. Они победили, нам завещав продолжать их дело. Только с погребением фашизма, — повторю я вслед за Ростиславом Александровым, — окончится та долгая война.

Евгений ГОЛУБОВСКИЙ

Эта фотография хранится в уникальной коллекции Михаила Пойзнера, собирающего документы, связанные с историей Одессы. Одной из важнейших тем в его собрании стало участие Одессы и одесситов в Великой Отечественной войне. От 22 июня 1941 года до 9 мая 1945 года, Дня Победы.

Этой фотографией завершает Михаил Пойзнер свой альбом, изданный как памятник павшим и выжившим одесситам.

Может быть, кто-нибудь узнает себя на этом снимке, который мы воспринимаем как символический. Откликнитесь! И мы продолжим рассказ о Победе.

Могу ли я обратиться к вам с просьбой? Меня зовут Наташа, я представляю третье поколение одесситов, проживавших в доме на ул. Рихельевской угол Троицкой. Мне очень дорога память о моих родителях и прадедах, очень интересно узнать историю и любую информацию, связанную с этим домом. Возможно, вы сможете меня направить к источнику такой информации или к людям, знакомым с историей нашего дома. Когда-то я встречалась с очень интересным человеком, не помню, к сожалению, его имя и отчество, — он работал в университетской библиотеке на ул. Советской Армии библиографом. Они вместе с женой — просто кладез знаний об Одессе. Может быть, вы знаете этого человека и помогли бы мне с ним встретиться? Заранее благодарю за внимание, время и участие.

С уважением, Н. Онищенко
Тел. 35-98-05
1605@sana.od.ua

Вы даже себе не представляете, какое большое делаете дело. Благодаря вам я вступила в оживленную переписку с Верой Зубаревой. Теперь мы должны встретиться очно. Она собирает литературную гостиницу и пригласила меня. Спасибо за Евгения Калининского. Кстати, он уже прислал свои координаты и координаты Ануфриева. Мой роман (надеюсь!) выйдет. Состоится его презентация на Манхэттене, в русском книжном магазине. Презентация проводится под эгидой мэрии Нью-Йорка в рамках недели эмигрантской культуры. А с Ануфриевым хочу связаться на предмет использования одной из его картин для обложки другой книги.

Мариям Бореико
beremar@msn.com

Многоуважаемые одесситы Клуба! Искренне честь и радость сообщить вам, что по случаю парижского Салона книги 2006 вышел из печати мой перевод на французском языке романа Владимира (Зеева) Жаботинского "Пятеро". Я глубоко признателен вам за оказанную помощь, особенно за связь с Мишей Обуховским, который постоянно, неустанно и дружески поддерживал меня и советовал мне в течение всего сложного процесса этого перевода. Задача ведь была не из легких!

Дорогие братья одесситы, обнимаю вас всех крепко и желаю вам наилучшего.

Ваш Мак Имбер
Imbert Jacques
26 rue Vincent Auriol
F-60100 CRETEIL
jmbertja2@wanadoo.fr

Марина Зивик в Америке! Давно там. А я по-прежнему здесь. Если кто может помочь в поисках подруги, с которой мы играли в Одесском театре музыкальной комедии в 78-80 годах главные роли в спектакле Зиновия Аврутина "Мама и Витя против Диких гитар", — помогите! Надеюсь услышать ее голос! Моих друзей разбросало по белу свету. Маришка одна из них.

Владимир
almiralac@yandex.ru

Ищу родственников и однофамильцев. Мой дед, архитектор Шмидт Азриэлевич, согласно сайту Vvia Russia, в 1911 г. числился предпринимателем, жил где-то на Ярмарочной улице. Отец Александр Самойлович и мать родились в Одессе. Помогите найти родственников и определить происхождение фамилии.

Архитектор Евгений
Mkrimer@bezeint.net

Пишет Вам художница Инесса Розенфельд. Я одесситка, последние два года живу в Потсдаме (около Берлина). Заглянула на ваш сайт и с удивлением обнаружила свой портрет в разделе, посвященном Ефиму Ярошевскому. Это означает, что какая-то внутренняя связь все же существует. Внимательно слежу за всеми одесскими новостями в области культуры. Сейчас я работаю над созданием серии композиций, посвященной потсдамским эмигрантам, среди которых есть и одесситы. Это, в основном, люди творческих профессий — музыканты, художники, ученые со всего бывшего СНГ. Свою жизнь не хотела бы делить на одесский и неодесский периоды, хотя бы раз в год приезжаю "домой", в Одессу. Пока что хочу познакомиться со своими последними "созданиями" и высылаю переводы стихов немецких поэтов для нового русско-немецкого сборника "Контуры", ссылку на свой сайт-газетку и ссылку на фотоальбом на mail.ru.

Inessa rozenfeld rosina1@mail.ru
www.rozenfeld.de
http://foto.mail.ru/mail/rosina1/

Здравствуй, Одесса. Я твой сын, живу в Африке. Одессит в четвертом поколении, люди зовут меня Боря со Щепкина, бывшая Тимназская, если не ошибаюсь. Я был рад, когда узнал, что Всемирный клуб одесситов — это практически все мы, кто не в Одессе.

Я всегда с чем-то боролся. Вам не понять, сегодняшним одесситам. Сегодня я борюсь с компьютером, не хочу помощи внука. Мы не идём.

Люблю, скучаю, целую. До встречи. Нас мало осталось?

Борис Тодунов
bog@sainaraonline.co.za

Директору Всемирного клуба одесситов
Талине Владимировой

Уважаемая Талина! Берлинский клуб одесситов имени Юрия Курильского сердечно благодарит Всемирный клуб одесситов и Вас лично за поздравление в связи с пятилетием нашего Клуба и за теплые слова, которые Вы нам написали. Ваше поздравление было торжественно зачитано на юбилейном вечере, посвященном пятилетию Берлинского клуба одесситов и с большим воодушевлением встречено его членами. Всем было очень приятно, что о нас знают и помнят в нашей далекой, но по-прежнему горячо любимой Одессе. Мы надеемся, что отныне наши связи будут более регулярными. Не забывайте нас и по возможности снабжайте материалами о жизни Одессы и ВКО.

Приезжайте к нам в Берлин. Будем очень рады.

С благодарностью и приветом от имени всех членов Берлинского клуба одесситов

Президент ВКО Михаил Мисожикич
Адрес нашей страницы в Интернете:
woronenko.de/odessa
samsonsemen@web.de

Привет из Бруклина!

Вот решил написать тебе письмо, Саша. Здесь уже снова весна, и скоро опять наступит жара. Жизнь тут проходит без резких колебаний, тихо и спокойно. Здоровье наше с Аннушкой в пределах погоды и возрастных изменений. Нет, — конечно, не без того чтобы ночью на Брайтоне кого-то не упрости швабкой, но, во-первых, это не каждую ночь, а во-вторых, — лозунг один, что здесь, что в Одессе: "Пить надо меньше!". Подрастающее поколение, лишенное "торлозов" пионери, камсомола и изучения всяких-измов, очень резко усваивает из боевиков способы сравнительно честного отъема денег и пытается кое-что применить на практике. Помогает это мало, и о новых Рокфеллерах пока не слышно. Зато наше поколение, привыкшее всю жизнь "крутиться", не может себе позволить, чтобы не нарушить хоть самый маленький закон. Привожу пример: недавно встретил старого скрипача, он играл во многих кабаках Одессы, потом плавал. Спрашиваю, как дела, так он говорит:

— Играю на тарелках в ресторане "Одесса".

— Боря, на каких тарелках?! В кабаке играет мягкий состав, там нет тарелок!

— Так зато они есть на кухне в посудомойке! — гово-

рит Боря и надувается гордостью, как будто он (так и быть!) согласился поиграть в оркестре Карнеги-холл!

— А как же ты работаешь, ты же чек получать не можешь, тебя же сразу скинут с пособия?!

А я, говорит, зятя оформил. Ладно! Смотрю, мой Боря держит в руках пачку восемь писем и собирает их брошить в почтовый ящик, к которому мы подошли. Я смотрю — ни на одном письме нет марки! Боря заметил мое удивление и говорит:

— Ша, никаких вопросов! Я уже по доброте душевной и в память о нашей работе на Старом Морвокзале открою тебе один секрет: эти тупые типы с почтового департамента думают, что я буду платить за отправку каждого письма 84 цента?! Ша! От меня они не дождутся! Слушай сюда! Посмотри на конверт внимательно. Ты думаешь, что я шлемази, что поменял местами адрес отправителя и получателя? Что-бы да — так нет! В этом же и есть весь фокус! Этот работник с почты увидит, что на письме нет марки, и что он срывает? Правильно — вернет письмо отправителю! По сути — тому, кому я писал! Что и требовалось сказать! А мои все родственники четко знают, что если письмо без марки, — это от меня! Я же всех предупредил по телефону заранее!

Только я тебя прошу — никому ни

слова, потому что "возвратных" писем станет много, на это обратят внимание и заставят наших стариков, чего доброго, ходить на курсы при почтовых отделениях! Они будут НАС учить, как писать адреса на конвертах!..

Мы тепло попрощались с Борей, но я не стану следовать его примеру. Не потому, что боюсь нарушить закон, а потому, что не имею времени на курсы при почтовом офисе! Ты понимаешь, Саша, что я в этом письме больше пишу о своей жизни тут и ничего не спрашиваю о твоей жизни. Не потому, что зациклился на жизни в Америке, а потому, что регулярно получаю информацию о жизни Одессы и одесситов.

Сейчас, когда мы с Аней сдали экзамены на гражданство, позволили себе расслабиться и перестали учить английский, сразу стали его забывать. А тут еще каждый день долбят по радио и телевизору о терроризме! Невольно становишься если не подозрительным, то внимательным.

И обостренное внимание не замедлило дать результаты: на той улице, где я живу, есть русская аптека, в которой я получаю мои лекарства (моим врагам тройную дозу!). Рядом с этой аптекой какой-то вечно закрытый офис. Я пришел пару дней назад за своими таблетками в аптеку, получил их и уже вышел на улицу, как вдруг обратил внимание на парня, который изнутри офиса

укреплял какое-то объявление текстом наружу. Текст, разумеется, английский! Кое-как я его перевел, и вот что у меня получилось:

"Мы предпочитаем обсервировать 1000 арабских террористов, чем одного еврея". В состоянии столбняка я провел не меньше минут, потом зашел в аптеку и сказал:

— Девочки, помогите мне разобраться, в чем тут дело? И показал им списанное объявление.

Они выскочили из аптеки всем составом, прочитали объявление и стали дико хохотать. Наконец, немного успокоившись, провизор Инна спросила: "А вы знаете, что это за офис?"

Я сказал: "Нет".

Она посмотрела на меня с сожалением, как на забытого в песочнице дебила, и тихим голосом, отделив каждое слово, сказала: "ЭТО ПОКОРОННЫЙ ДОМ!"

С тех пор я не выхожу из дома без карманного электронного переводчика. Но такие случаи редки, а вообще — в районе Брайтона можно смело прожить, не зная английского...

Вот и все, мой дорогой! Поздравляю тебя с православной Пасхой! Будь здоров!

Привет от Ани! Привет от нас всем, кто еще нас помнит!

Всеволод Верник.
Бруклин, Нью-Йорк.

Александр ДОРОШЕНКО

День Победы

Этот день пропитан кровью наших отцов и слезами матерей. И сегодня, когда они нас покинули, и те, кто еще остался, не слышно уходят, он приобрел отсвет радостной близости, теплого чувства памяти, и стал нам Родительским днем. Он таким был и раньше, когда они были живы, но тогда было много музыки, маршей победных, цветов, и их было много с нами, улицы бывали в этот день заполнены ветеранами в старых бережно хранимых мундирах, в медалях и орденах...

Отец любил вспоминать войну. Странно, эти воспоминания у них, вернувшихся с той страшной войны, вернувшихся не искалеченными (или искалеченными не очень, как отец, сильно хромавший всю жизнь в память обороны Севастополя), были любимыми, возможно, лучшими из всего пережитого в жизни. Это говорит и о всей их жизни, какой она была. Но не только. Ведь были и предвоенные годы, учеба в институте, множество друзей, притом на всю жизнь, я это знаю, я видел друзей отца и матери, как они до самых последних времен любили и помнили друг друга. Встретившись, всегда вспоминали войну и не вернувшихся с нее, а было их, не вернувшихся, много больше уцелевших:

"...Скажите там... чтоб больше не будили. Пускай ничто не потревожит сны. Что из того, что мы не победили? Что из того, что не вернулись мы?"

Иосиф Бродский

Это одно из лучших стихотворений о прошедшей войне, и цитирую я его по памяти (помню еще по самиздату). Отец считал лучшей, наиболее честной книгой о прошедшей войне "В окопах Сталинграда" Виктора Некрасова. При всех ужасах этой страшной войны (и ужасах "национальных",

когда после знаменитого приказа Сталина "Ни шагу назад!" в спину нашим передовым частям торчали пулеметы СМЕРША, о чем мне, подростку, как-то рассказал отец; он рассказывал о трибуналах и расстрелах дезертиров, расстрелах на месте, как однажды расстреляли солдата, азербайджанца, не говорившего и не понимавшего по-русски, попавшего из какого-то горного пастбища прямо в эту мясорубку, потерявшего реальность представлений о мире, растерявшегося и случайно отставшего, — отцу не удалось отстоять своего солдата), там было что-то еще. Радость победы, справедливость этой войны, сплотившей народ.

Что знает солдат о войне?

Отец был лейтенантом и командовал ротой морских пехотинцев. Он запомнил окопы и смерть. А впереди окопов полоса ничейной земли и окопы немцев. Он запомнил высокую организованность и дисциплину у немцев (даже в плену немецкий солдат вытягивался перед своим пленным офицером), и умение воевать. Его разведчики доверяли только немецким картам и старались их достать — по ним было удобно и безопасно возвращаться к своим. Именно в свой полк, где тебя знали, — выход в наше, но чужое, рядом расположенное подразделение, мог означать попросту смерть. Такова была всеобщая подозрительность и неразбериха, когда проще было расстрелять человека как возможного лазутчика, чем долго и порой непросто выяснять, кто он и откуда (по той же причине после победы возвращающиеся из плена наши солдаты, а в плен попали миллионы в первых годах войны, напрямую отправлялись уже в родные концлагеря).

Он запомнил храбрость наших ребят, как его моряки перед атакой снимали каски и надевали бескозырки. Как они его, ранен-

ного шрапнелью, вынесли под огнем ("выползли", положив на шинель и ползком оттащив к своим окопам). Как вывезли его морем из Севастополя и он, лежа на открытой палубе маленькой посудины, видел качающееся небо, и в нем, а также вокруг корабля непрерывные разрывы снарядов. Пережитое чувство военного братства, гордое чувство победителя сопутствовало ему всю жизнь. У него была своя, самая страшная в истории человечества война, и он вернулся с нее победителем!

(Так устроен мир, где у каждого своя война. Вернулись ли мы со своей? С нашей невидимой, тихой братоубийственной войны. Где наши победы и ордена? Да и закончилась ли эта война? Разве огонь ее не разгорается все больше? Нам еще долго жить, если хотим вернуться. И будет ли куда?)

...Их осталось всего ничего, солдат этой страшной войны. Какие там солдаты — старые, сгорбленные, хромающие и перекошенные. В старых пиджаках, пахнущих нафталином. Какое странное сочетание старости и нищеты — и героических отличий — орденов и медалей, во всю когда-то широкую грудь...

Ковыляет по улице, звенят медали, идут равнодушные прохожие мимо, смеются юнцы. Но этот звон — он опасен, если его перестать слышать! Это белокрылый архангел, архистратиг небесного воинства идет нашими неровным и заплыванным асфальтом, и в руке его огненный меч, а во второй колокол судьбы (но опасно тихо и мелодично звенит этот колокол до урочного дня), и он всех замечает и все замечает. В записях Книги живых и мертвых имена наши, имена переставших различать и видеть, и слышать, напишутся на правой стороне этой вечной Книги, в разделе никогда не живших!

...В "Белой гвардии" есть небесное видение лежащему в бредовом тифе Алексею Тур-

бину, как родной его эскадрон белградских гусар, скошенный пулеметным огнем в 1916 году на Виленском направлении, въезжает конно и почти в полном составе в Рай ("с саблями и пиками... по верхам..."), а там встречает их св. апостол Петр с ключами. И оказалось, что уже приготовлены для них в Раю палаты, белые и праздничные. И с изумлением слышит от св. Петра вахмистр Жилин, идущий впереди эскадрона, что есть рядом еще и красного цвета палаты, с красными звездами и облаками... "для большевиков, с Перекопу которые" (потому как, говорит вахмистру Бог, "все вы у Меня, Жилин, одинаковые — в поле брани убиенные. Это, Жилин, понимать надо, и не всякий это поймет").

Не всякий это и теперь понимает!

Но даже и с бабами полковыми принимает их Петр, которые были с ребятами в жизни и вместе приняли смерть, потому что эскадрону в походе без баб невозможно. "Пожалте, говорит, справа по три:

...Дунька, Дунька, Дунька я!

Дуня, ягодка моя, —

зашумел вдруг, как во сне, хор железных галосов, и заиграла итальянская гармоника. "Под ноги!" — закричали на разные голоса взводные.

Й-эх, Дуня, Дуня, Дуня, Дуня!

Полюби, Дуня, меня, —

И замер хор вдаль".

Я верю этому сну — там такие палаты есть, там наши родители вновь красивые и молодые, как когда-то в моем детстве, они там с друзьями, и им хорошо вместе...

С ними и те, кто не дошел до Победы, но и они теперь о ней знают...

Они заслужили, так сказал вахмистру св. Петр.

Пока мы живы, кто еще помнит и понимает, — в этот день надо обязательно поднимать рюмку. За них, победивших и вернувшихся. За тех, кто там остался лежать и о Победе нашей не знает. За наших отцов и матерей... За Победу!

Михаил ЛАНДЕР

О друзьях-товарищах

О друзьях-товарищах, о войне на пожарах, где-нибудь, когда-нибудь, мы будем говорить...

Наверное, товарищами обзаводиться намного легче, чем друзьями. Таких друзей, роднее братьев, было у меня трое. С Гришей и Николаем я познакомился в годы войны, а с Эрленом после войны. Удивительное совпадение: все трое по отчеству — Павловичи. Кстати, Эрлен никогда не был знаком с первыми двумя, так как жил в Москве. Наверное, трудно распознать грань, когда знакомство переходит в дружбу, в привязанность, ибо наше знакомство было скоротечным.

В сырой декабрьский день 1941 года наш тральщик стоял у одного из разбитых причалов Чушкинской косы у Тенюка и готовился к десантной операции в Керчи. Время обеденное, но боевые расчеты на местах. Свободные от вахты идут на перекур в "деревню трепаловку" — место на корме для курения. На берегу мимо нас идет солдат с катушкой провода на спине, в шинели с подоткнутым под пояс подолом и в одном сапоге. "Покурить не дадите?" — спросил он, сбрасывая с мокрой спины катушку. "Да-да-да", — сказал я, прыгнув с причала на берег. "Может, откушаешь?" — спросили матросы. — "Время обеденное". "С удовольствием, но нет времени, связь тащущу". "Давай котелок!" — крикнул кто-то с кормы и побежал на камбуз. "А сапог где?" — спросил боцман. "Да в трясине остался, сам еле выбрался, а напарника убило", — ответил солдат. С камбуза принесли полный котелок и консервную банку с флотским борщом. Боцман принес пару яловых сапог, новые портянки и пару пачек папирос. "Спасибо, братцы", — сказал солдат, взваливая на спину катушку. "Откуда

идешь?" — спросил я. "Из Одессы". — "А куда топаешь?" — "В Одессу". Так ответить мог только настоящий одессит. "Гриша с Воронцовского переулка", — представился он. "А я Мишка-одессит с Еврейской", — и мы пожали друг другу руки. "Может, еще свидимся", — сказал он и махнул всем рукой.

Ну, кто мог предположить, что я с ним встречу в 1946 году, и будем соседями?

Николая мы подобрали в море вместе с другими полуживыми шестью моряками. Уже немцы заняли Севастополь, и остатки частей армии и флота собрались в Камышовой бухте, откуда под покровом ночи их забирали катера и рыбацкие лодки. Почти все погибли, немецкие самолеты на бреющем полете в упор расстреливали беззащитных людей. Лишь счастливицы добрались до кавказского берега или были подобраны нашими кораблями, в их числе и тяжело раненый Николай. Подобрали мы их на рассвете февральского утра тяжелого сорок второго года далеко в море, примерно тридцать миль от Анапы. Сигнальщики разглядели среди волн полупотопленный рыбацкий баркас без признаков жизни. На борт подняли семерых моряков — двое мертвых, пятеро еле живых. Доктор с добровольцами начал оказывать медицинскую помощь — надо было раздеть и растереть окоченевших людей. Спасли только троих. Двое умерли, не приходя в сознание. Командир корабля Адольф Исаакович Ратнер приказал открыть у мертвых нашейные медалы и записать фамилии в судовой журнал. На мою койку положили Николая. У него было рваное осколочное ранение живота. Вместо анестезии ему влили стакан чуть разбавленного спирта, и два здоровых матроса держали его за руки и ноги, пока доктор копался в его кишках.

...Мы зашли в палату попо-

чататься. Двое спали, Коля бодрствовал. Побритый и стриженный, он оказался молодым красивым парнем. "Спасибо за тельняшку", — сказал он мне. "Откуда сам?" — спросил он. Я ответил. "А я с Костецкой, меня там все знают. Будет время — заходи", — улыбнулся он. И я зашел... только в 1947 году.

С Эрленом у меня была дружба, завязанная "на крови".

Коля Дрогин родился в деревне Александровка Одесской области. Когда ему было три года, а старшему брату пять, в деревню пришла банда большевиков с отрядом разбавки и начала грабеж крестьян. Отобрали пригнанную на зиму картошку, муку и стали выводить из хлева единственную корову. Мать с виллами бросилась на грабителей, и ее застрелили, а заодно и Колиного отца с пятилетним сыном. Колю приютил, воспитал и дал ему свою фамилию родной брат отца Павел. Эта гибель родителей настолько врезалась в детскую память, что Николай всю жизнь ненавидел советскую власть.

Перед войной умирает дядя Павел, и Николаю перебирается в Одессу учиться в морском техникуме. За год до войны Колю забирают на флот, он оканчивает Севастопольский учебный отряд и направляется командром на подводную лодку М-60.

Началась война. Лодка выполняет боевые задания. В один из рейсов Николая оставили на берегу как делегата на общеплотское комсомольское собрание. Лодка с задания не вернулась, и Колю направили в отряд морской пехоты.

Встретились мы случайно — сначала с Гришей. Я ухаживал за своей будущей женой, которая жила с родителями в Воронцовском переулке, и однажды на веранде, куда выходили все двери жильцов, я столкнулся с Гришей. Мы долго смотрели друг на друга, пока он не произнес магические слова "Чушкинская коса". Встреча

закончилась грандиозной пьянкой всех обитателей веранды.

У Гриши был мотоцикл с коляской. Однажды мы поехали по предложенному адресу на Костецкую улицу. Дверь открыл человек в тельняшке, и мы узнали друг друга без труда. Конечно, в маленьком дворике Коля организовал праздник, и до утра мы уже не уехали. При помощи Коли я снял в городе комнату. Мы вдвоем очень дружили, подружились и наши жены. Позднее Николай, имея вес члена бюро и звание Героя, организовал кооперативный дом — первый в Одессе в центре города. Я в то время находился далеко за границей, и Коля выложил за меня приличную сумму денег на паевую взнос. Тогда же перетянули Гришу, и хотя ему это было не по карману, я и Коля выложили деньги за него, а он потихоньку выплачивал нам. Претендентов на дом было много. Колю таскали по разным инстанциям, но он лично отбирал кандидатов по принципу: прежде чем строить дом — подбери соседей. И это потом себя оправдало.

Через несколько лет Коля сошел на берег, возглавив ремонтную бригаду. Наш дом назвали "дворянское гнездо". В 1951 году под Одессой в районе Большого Фонтана обнаружили "Колину" подлодку М-60 с экипажем в 21 человек. Хоронили их почему-то ночью. Николай был при опознании и принес на память сувенир — чайник, из которого когда-то пил. Стало традицией пить чай из этого трехлитрового флотского чайника.

Когда Горбачев отменил знаменитую шестую статью Конституции СССР — помните? — руководящая и направляющая роль партии, — Коля закатил банкет с фейерверком. А когда Украина стала "самостийной", Николая пригласили в городскую думу, в отдел морского транспорта. Всегда суровый и немногословный, Николай помолодел на гла-

зах. Но годы брали свое, стало пошаливать сердце. Коля большую часть времени стал проводить на даче, на воздухе, редко приезжая домой, в город, на старенькой "Волге".

Дважды я посещал родной город, и мы неизменно виделись с Николаем. Купив кое-какие припасы, мы с Гришей приезжали к нему на дачу на несколько дней, и Коля выставлял на стол выращенную им зелень и соленья, которые по вкусу, кроме Одессы, нигде не сыщешь. Последний раз я попрощался с Колей, предчувствуя, что наша встреча — последняя. Я никогда не видел его плачущим, а тут он не сдержался. Не сдержались и мы.

Случилось это осенью 2003 года. Однажды Колина "Волга" не завелась, и он решил трамваем поехать домой. От трамвайной остановки до нашего дома — пара кварталов. Уже вечерело. Николай добрался до дома, сел у входа на ступеньку отдохнуть... и больше не поднялся. Его обнаружили, думая, что он спит, прислонившись к стене. Обо всем этом я узнал от Гриши. Хоронили Николая Павловича всего несколько человек — жена Ирина с внуком Николаем, Гриша с женой и коммандантский взвод, отсалютовавший над могилой. Так ушел из жизни один из моих троючков, а мы с Гришей, держась за руки, пытаемся эту брешь затянуть. Как долго? Только Всевышний знает.

Апрель 2005

Пока готовился этот очерк к печати, пришла печальная весть — ушел из жизни Григорий Павлович Пилиавский, преданный друг, беспартийный коммунист, "карась-идеалист" и стойкий приверженец советского строя, полный кавалер ордена Славы, всех трех степеней. Несмотря на различие взглядов в нашей троице, спорах о ценностях жизни, несогласие во многих вопросах, мы ни разу не ссорились и не обижались друг на друга. Дружба наша, выверенная годами, была настоящей и по-мужски преданной. Только все-таки сильная смерть смогла разорвать ее. Теперь я осиротел. Вечная память моим незабываемым боевым друзьям.

Засыпанные грунтом капониры на военном аэродроме "Лиманское" под Одессой, надо полагать, навсегда потерявшем свое грозное назначение, напоминают с воздуха цепочку земляных кучек, которые трудолюбиво множит крот. Массивные створки ворот капониров авангардно замаскированы краской, не пятнами, а почему-то квадратами, какими-то космическими таинственными перуанскими знаками — маляривший боец, видать, был с фантазией. Тона в гармонии со степным пейзажем превалируют желтые, коричневые и буро-зеленые. Разукрашенные створки ворот при боевой тревоге разъезжаются по наклонным рельсам за счет собственной тяжести. Между бронированными листами ворот насыпан песок. Если броню прожигаеткумулятивный снаряд или ракета, песок спекается до состояния стекла, и злобно сверлящий заряд иссыкает.

По рулежке мимо капониров специалисты предприятия "Одесавиаремсервис" бережно катят нежное создание, биплан "Анатра-2", сделанный по прототипу самолета "Анатра-Анасалъ" образца 1916 года. На бетонных стыках стабилизатор чуть-ко колыхнется, как будто аппарат с диковинным именем напоминает, что он живой и волнует.

Техническое задание с заводским шифром "Анатра-2" "на проектирование и производство ЛЕТАЮЩЕГО самолета, максимально соответствующего по компоновочной схеме и геометрическим параметрам самолету-прототипу", выпускавшемуся 90 лет назад на этом самом одесском заводе, утвердил 10.01.02 директор номерного тогда еще предприятия Виталий Владимирович Юхачов, год назад еще полковник. Причем именно ЛЕТАЮЩЕГО аэроплана — уж очень полетать хотелось взрослым мужчинам, проносившим большую часть своей жизни фуражки с околышем цвета небесной лазури. Копии же самолета "Анатра-Анасалъ" в масштабе и в натуральную величину уже были изготовлены умельцами ЦОПа, цеха опытного производства легкомоторных самолетов, к юбилею родного предприятия.

Завод аэропланов и гидропланов на землях, приобретенных в районе 4-й станции Люстдорфской дороги, застолбил среди виноградарей негодичант с итальянскими корнями титулярный советник Артур Антонович Анатра, владевший сначала небольшими авиамастерскими при городском ипподроме.

"Потомственный почетный гражданин, — сообщает о нем Энциклопедия деловых людей России. — Председатель правления Одесского учетного банка, член ревизионной комиссии Бессарабско-Таврического земельного банка, полный товарищ и распорядитель торгового дома в Одессе "Братья Анатра" (мукомольная мельница). Директор Южнорусского общества печатного дела. Председатель созданного в 1908-м году Общества авиаторов и воздухоплавателей Украины и Крыма".

Туда же, в жаркую удаленную от моря степь, полный товарищ и распорядитель г-н Анатра организовал от ипподрома движение конки, которая могла удобно возить не только рабочих, но и аэропланы.

***

Получил же техзадание на строительство "реплицированного самолета аматорной постройки" начальник ЦОП легкомоторных самолетов Игорь Бирюков, недавний подполковник — в прошлом году все офицеры завода в связи с реформированием вооруженных сил сняли погоны. На техническом задании уже не было грифа секретности, легкомоторщики нащупывают гражданские рельсы. Точнее, крылья.

***

На чертежах, грамотно, почти на современном уровне разработанных без малого 100 лет назад, строгое напоминание:

"Копія съ копіи

Не подлежить оглашенію.

Печатано по распоряжению Управленія Военно Воздушнаго Флота.

Управляющий делами Технического Комитета Военный Инженеръ

Полковник Калиновскій".

***

Когда одержимый идеей оживить раритет Игорь Бирюков раскопал в местных городских архивах чертежи, он сначала ликовал. Но вскоре выяснилось, что на них изображен аэроплан, строившийся на заводе "Дукс" Шетиннина и Лебедева, известного конструктора, не имевшего отношения к Одессе. Чертежи же "Анатры" удалось обнаружить в российских архивах — вот такая чехарда.

С графических документов начиналась судьба самого массового за всю историю отечественной авиации серийного самолета, и рекорд этот, стимулируемый первой мировой войной, не побит до сих пор, даже в новейшей истории России. Авиазаказ Анатра в 1917 году выпускал по два, и временно даже по три самолета в день (!).

Ясеньевые ланжероны понадобились, чтобы строить из доступных материалов машины, "оптимизированные для производства в местных условиях". Условий же не было никаких, даже питьевой воды на первых порах. Главный конструктор самолета, обрусевший француз Де Камп (Des Camps), учел наличие ясеня, отсутствие авиационного опыта у местных рабочих, а также удаленность 4-й станции Люстдорфской дороги от петербургских аэродинамических лабораторий. Техническая идея в условиях капитализма быстро материализовалась в готовых изделиях. Всего за три предреволюционных года на заводе было построено целое семейство самолетов: двухместный разведчик-корректировщик "Анатра-Декан", "Анатра-Анасалъ" с мотором "Сальмсон Р9", одноместный истребитель моноплан "Анатра-Моран" с мотором "Гном-моносупап", модификации "Анатра-Анаклер" с моторами "Клерже 92" и "Клерже 9В", "Анатра-Анадис" с мотором "Испано-Сюиза". "Анадису" хватало топлива на 14 часов полета, и позднее бдительные чекисты даже подозревали, что опытный образец в одном экземпляре специально построен для побега главного конструктора г-на Де Кампа в Румынию. Самый впечатляющий двухфюзеляжный гидроплан "Анадва" спроектировал одесский летчик-инструктор В.Н. Хиони. Хиони объединил общей бипланной коробкой и оперением два серийных фюзеляжа. При постройке самолета впервые в авиационном был использован плазово-шаблонный метод с применением полномасштабных фанерных плазов.

Аппарат был пятиместным, на верхнем крыле размещался в гондole пулеметчик с турелью. При испытаниях пулеметчик выпал и утонул. Тем

Владимир КАТКЕВИЧ

МЕСТО В НЕБЕ

не менее, 3 ноября 1917 года заводу Анатра заказали эскадру летающих лодок из 50 штук.

На заводе, принадлежащем российскому итальянцу, одесситу в третьем поколении Артуру Анатра, трудились одесситы, жители окрестных сел и фольварков: украинцы, евреи, немцы, русские, греки-понтийцы, молдаване. Эти люди собирали первые "Анатра-Деканы", почему-то обозначенные ура-патриотами российским достижением. Заграничную транслитерацию по неистребимой российской традиции неизменно исказили до более привычного созвучия "Декан", в таком виде и увековечилось название летающего изделия. Г-н Des Camps впервые разработал классическую схему самолета с полностью закрытым фюзеляжем и тянущим винтом. Впоследствии же, к 1917-му году, Де Кампом был придуман синхронизатор для стрельбы из курсового пулемета "Виккерс" сквозь вращающийся винт, второй член экипажа, летнаб, то бишь летчик-наблюдатель, прикрывал тыл обычно с помощью хвостового пулемета "Браунинг" или одноименного револьвера. Фронтальной разведчик "Декан" брал до двух пудов бомб. В 1919 году летчики одесского авиаотряда Хвостов и Ван де Шкрүф разбомбили с "Декана" паровоз бронепоезда красных на станции Ислам-Терек.

Каркас же прототипа, который продолжают катить авиаторы по аэродрому, арендованному компанией "Таврия", выполнен, естественно, не из ясеня, а из алюминиевого профиля. Передние колеса заимствованы у Миг-23, заднее от Як-50, передние амортизаторы от вертолета Ми-8, задние от Ми-2. Приборы кабины и основная "начинка" — от учебно-тренировочного Як-52. Ремонт "Яков" для аэроклубов Украины обеспечивает пытливым легкомоторщикам устойчивую загрузку. Пока строится "Анатра", из КБ Яковлева к легкомоторщикам частенько наведываются ведущий инженер Владимир Докучаев и главный конструктор Дмитрий Дрзач, делятся опытом. Советы коллег одесситам помогли.

ДЕМОБИЛИЗОВАННЫЙ ГОРОДОК

Авиастроители выкатывают детище с рулежки на взлетную полосу.

— Вот здесь "высотка" была, — бывший инженер полка показывает в направлении за капонирами. Сам высотный домик даже не угадывается, потому что он в один этаж, в нем хранились костюмы для высотных полетов. — А здесь гауптвахта.

Решетку скорбного строения на две камеры венчает ворона, оконной коробкой уже кто-то распорядился. Говорят, "губа" в основном только страшила своим резервным наличием, а больше пустовала. В авиации служебная субординация умерена до разумного предела, за которым дисциплина держится на совести и ответственности за доверенные жизни. Как и у подводников. В известной мере, правда, подводники борются за плавучесть коллективно плечом к плечу в отсеках, а летчик обречен регламентно биться за "летучесть" все-таки самостоятельно или, в крайнем случае, вдвоем, в "спарке".

Воспитательное учреждение обслуживало два авиаполка, базировавшихся на аэродроме: истребительный и разведывательный. В западных капонирах прятались Миг-23, в восточных — фронтальные разведчики Су-17Р.

С земляных сводов капониров технари рвали ромашки любимым, здесь же в городке рождались дети, обмывались звезды на погоны. Здесь же после череды скитаний по гарнизонам, после Кандагара, где "год за три" и где экс-майор аккуратно латал пробоины в дюрале, завершилась ранние времена его военной карьеры. Полковой инженер получил квартиру в последней пятиэтажке, мучительно достроенной с паузами уже не стройбатами, их упразднили, а своими силами. Теперь в связи с расформированием части майора с другими офицерами запаса возят в Одессу за 80 верст на авиазавод и раз в неделю на выходные заводским транспортом возвращают к семье. Военный городок в Лиманском отнюдь не депрессивный, как другие полуживые, Рауховка или Буялык. В Лиманском даже младенцев в колясках молодые мамы катают.

— Когда Миг-23 заменили на Миг-29, — вспоминает экс-майор, — новые "Миги" по габаритам не помещались в капониры.

Как будто подростки из детской одежды. А прототип раритета "Анатра" явно не дорос до упирающейся в горизонт полосы, малютка теряется в ее пустоте. Полоса, кстати, самая впечатляющая и удобная в бывшем Одесском военном округе. При длине 3 километра, ширина ее 60 метров, на 20 метров шире стандартной.

— Ему, конечно, надо полосу удлинить! — авиаострота повисает в звенящей тишине пустого аэродрома.

ПРЕДПОЛЕТНЫЕ ХЛОПОТЫ

Воодушевленные живой творческой работой, начатой с нуля и завершаемой испытательным полетом, легкомоторщики хлопочут вокруг прототипа. Ведущий инженер-технолог ЦОП Александр Прохорчев, горбись под плоскостью, до тошно, с большой, как у Шерлока Холмса, лупой изучает сварные стыки рамы шасси. Профиль крыла у "Анатры" "блерио", ложкой.

— Профиль "кларк", конечно, лучше, — говорит Игорь Бирюков, — но мы не могли отойти от прототипа.

Крыло оказалось самым сложным элементом схемы, пришлось изготавливать специальную оснастку. Пока ломали голову, слесарь-самородок Юрий Довбуш приносил сконструированный им узел, а с него уже инженеры Евгений Милев и Людмила Арендарская делали чертежи. Проводили прочностные расчеты, ограниченные испытания. Над двигателем колдовал Николай Бойко, бывший прапорщик, бортехник пограничного вертолета. Часть своей души вложили в самолет клепальщик Вячеслав Рогинский, слесари Вячеслав Гурник, Владимир Сидоренков, Сергей Макаревич, Валерий Пелин, комплектовщица Тамара Цубенко, мастер ОТК генерал-майор авиации в отставке Юрий Васильевич Логинов.

За три года, пока строили "Анатра-2", продлили летную жизнь не одному Як-52. Сейчас приводят к соответствию машины Як-52 для киевского и севастопольского аэроклубов.

На базе Ан-26 оборудовали уникальный первый в стране летающий госпиталь. Воздушный госпиталь уже спас не одного человека. На борту есть генератор, искусственная почка.

— Можно было бы, в принципе, и операции прямо в воздухе делать, — говорит А. Прохорчев, — если бы не вибрация.

Автобус "мерседес", на котором приехали в Лиманское, тоже переоборудован из санитарного варианта. В цеху трудятся всего 12 рабочих и 5 инженеров, помимо начальника.

***

Главный конструктор завода аэропланов и гидропланов месье Des Camps приступил к проектированию аппарата в январе 1915. Параллельно с самолетом на голом месте строился и сам завод, но, тем не менее, уже 19 декабря лейтенант "французской службы" Робинэ поднял в воздух машину над аэродромом, который впоследствии на авиасленге будет окрещен Школьным. Впоследствии, в 1917 году, готовясь к авианеделе, Робинэ с механиком Иваном Омелиным погибли.

***

Другой экс-майор технической службы в шлемофоне говорит:

— Плохо слышно. Надо б ларинги поменять.

Майор в шлемофоне проверяет "радиус связи" с диспетчером авиапредприятия "Таврия", диспетчер сидит на вышке бывшего полкового пункта управления полетами. Там же, в башне, сейчас находится и главный инспектор полетной подготовки киевской "Державиаслужбы" Евгений Цыганок. Задача Цыганка держать связь с главным инспектором-пилотом той же киевской службы Юрием Наконечным. Наконечный по радио будет делиться наблюдениями о повадках приручаемого самолета. Доливают бензин, неприхотливый девятицилиндровый серийный двигатель М14П Воронеж-

ского моторного завода работает на автомобильном бензине А-95. Кстати, родной штатный двигатель "Анатры" последнего поколения "Сальмсон Р9" тоже был девятицилиндровым, так что велосипед изобретать не пришлось. Правда, мощность возросла в три с лишним раза, до 360 "лошадок". Месье Де Камп, наверно, не нарадовался бы.

"Анатра" — тридцатая по счету самолетка, которой Юрий Наконечный давал путевку в небо, или наоборот, отказывал — изобретатели в Отечестве дерзают наперегонки. Крайний самолет (авиаторы исключают из обихода слово "последний") НАРП-1, построенный на аналогичном оборонном предприятии, Наконечный поднял в воздух две недели назад. Еще раньше испытывал самолет в авиационном городе Харькове, харьковскую машину оснастили швейцарским мотором "РОТОКС — 582". Правда, если Николаевец весил всего 615 килограмм, а харьковчанин — и того меньше, 415, одессит "Анатра" — тяжело-вес, и весит полторы тонны.

Наконечный материализует мечту, техническую фантазию. Неизвестно, как поведет себя изделие гибридной сборки, потому работа у Юрия Юрьевича штучная и очень рискованная. Он должен по программе налетать на "Анатре" не менее 5,5 часов, определить зону сваливания в штопор, ни много ни мало, когда "медленная потеря скорости в посадочной конфигурации" упадет до 60-65 км в час.

Утеплившегося в кожаные доспехи летчика втиснули в тесную открытую кабину, на лицо надели шерстяную шапочку с прорезями для глаз, как у киллера, и застегнули на плечах карабины парашюта.

— Крушения на этом аэродроме бывали? — у телебарышни хватило бестактности пристать к товарищу, выгрузившему из автобуса походный чемодан с красным крестом.

— Крушения бываю на железной дороге, — нейтрализует телевидение начмедчасти завода полковник медслужбы Виктор Волков, — а катастрофы и аварии — в авиации. Иногда в семье.

ИНВЕРСИОННЫЙ СЛЕД ПАМЯТИ

Места катастроф — их за полувековую историю гарнизона немного — известны, авиаторы проезжают мимо в молчании. Вблизи трассы Одесса-Кишинев есть место, где в восьмидесятые при взлете разбился Миг-23, летчик погиб.

В шестидесятые в спарке Су-7 погибли старший лейтенант Н. И-ов и командир эскадрильи майор Г. С-ов. Дочь С-ова проживает надо мной в нашем очень авиационном подъезде.

Одесса не только морской, литературный или киношный город, черноморский Вавилон еще и без преувеличения колыбель авиации государства.

"8 марта 1910 года на ипподроме состоялись первые в России публичные полеты легендарного Михаила Ефимова, — сообщали "Одесские ведомости". — Фабрики и конторы прекратили работу, чтобы дать возможность горожанам присутствовать при полете земляка..."

Гатчинская авиашкола, кстати, тоже возникла в том же богатом на авиасобытия 1910-м. С одесским ипподромом и морским батальоном в Сабанских казармах, где строились первые аэропланы, связаны имена пионеров отечественной авиации, еще А.А. Васильева, С.И. Уточкина. 15 июня 1910-го года в Сабанских казармах был открыт ОАК, Одесский военно-авиационный класс. Сами же Сабанские казармы находятся в ста метрах от мореходных классов, открытых в 1898 году на базе коммерческого училища имени Николая I. Как и в мореходных классах, в авиационных обучение происходило на платной основе.

Но дело, пожалуй, не только в корнях, но и в развитии, традициях, достижениях. И в подвигах, наконец. 22 июня 1941 года старший лейтенант Александр Мокляк вблизи села Краснознаменка (Кубзй) Болградского района совершил таран. Случилось это задолго до подвига Виктора Талалихина, но инициатива не обнарудовалась, потому что герой находился под следствием военной прокуратуры. Незадолго до начала войны азартный летчик поспорил за бутылкой с товарищами, что приземлится на территории сопредельной Румынии, помочится и улетит безнаказано.

Замысел был дерзко выполнен, но об авиакураже донесли, и за военное хулиганство Мокляку маячил трибунал.

Общезвестно, что вторая мировая война в воздухе началась с боя немецкого аса фон Ритхофена с английским экипажем, а о рыцаре бессарабского неба, совершившем таран в первый день войны, которую потом обозначат Великой Отечественной, мало кто знает даже из краеведов, и это несправедливо.

В Одессе увлекся авиацией учащийся ПТУ Сергей Королев. Бюст дважды Героя Социалистического труда Александра Нудельмана на Комсомольском бульваре сопровождается текстом: "...за выдающиеся заслуги в создании новой техники...". "Новой техникой" является сверхскорострельная авиационная пушка "знеска" конструкторов Нудельмана и Суранова, ставшая весомым козырем советских боевых машин. Конструктор двигателей космического корабля "Восток" дважды Герой Социалистического труда Валентин Глушко тоже наш земляк.

Погибший под Лиманским майор С-ов проходил отборочную комиссию в Отряд космонавтов.

В штабе 5-й воздушной армии служили космонавты Комаров, Шаталов, Шонин. Владимир Ко-

маров скромно проживал в пятиэтажке на улице Патриса Лумумбы, в тесном дворике до сих пор плодоносит абрикос, посаженный космонавтом. Из Одессы родом и Георгий Добровольский. Генеральскую плетяду одесских авиаторов прославил непримиримый оппозиционер, герой войны в Испании генерал-полковник Борис Арсентьевич Сиднев. Сиднев не смирился с приговором, который вынес авиации Хрущев, и заявил на совещании в Кремле, что самолеты пускать под пресс преждевременно и опрометчиво.

— Этот генерал не поддерживает линию Политбюро, — взвился Никита Сергеевич, и командующего 5-й воздушной армии благословили в отставку.

— Отойдите от плоскости вращения винта, — говорит инженер Прохорчев.

РАРИТЕТ ТАЕТ В НЕБЕ

"Анатра" стрекочет нетерпеливее, в его дрожании угадывается даже капризность, потом биплан резко бежит на взлет, отрывается и энергичными кругами ввинчивается в блеклое небо, демонстрируя завидную скороподъемность. Скороподъемность — один из самых важных показателей военного самолета.

Когда он высоко, забываешь, что это раритет, ретро, прототип реликта, кажется, обычный серийник, не доросший до размеров "кукурузника" Ан-2.

Планировали произвести несколько "взлетов с конвейера", когда самолет, приземляясь, касается полосы, пробегает по ней, не останавливаясь, и снова взлетает, но Наконецный почему-то останавливает "Анатру" с небольшим подскоком.

— Этот парень любит козлить, — замечают посвященные.

***

"Дважды обойдя по воздуху громадный круг аэродрома со скоростью 60 верст в час, Ефимов, сильно наклонив машину, великолепно и легко спускается, — писали "Одесские известия". — Стотысячная толпа его приветствует".

Когда Ефимов выруливал свой Фарман, у дамы слетела шляпка, в воздухе над ипподромом от шляпки уже отделилась вуалетка. Ефимов проводил шляпку глазами, спешилси в грязь.

— Малость козлит, Михал Николаич, — заметил механик Хиони, из одесских греков. Пока на календаре 8 марта 1910 года.

***

— Ну, как? — спрашивает Игорь Бирюков. — Немного греется двигатель, — говорит Наконецный.

Подполковник Бирюков с инженером-технологом Прохорчевым и механиками снимают кожу капота, чтобы усилить воздушное охлаждение.

***

Подполковник В.М. Ткачев, инспектируя авиаотряды Юго-Западного фронта, доносил в ставку: "Самолет завода Анатра "Анаде", по заявлению всех командиров отрядов, вполне удовлетворительный. Большим недостатком является неполная тяга мотора в полете, что объясняется слабой вентиляцией в месте помещения мотора, почему возможно всасывание мотором части отработанных газов".

Впоследствии, перед сдачей Одессы, деникинский подполковник Ткачев вывозил аэропланы 9-го авиаотряда морем. В штурм 8 аэропланов шквальным ветром смыло за борт. Другой пароход с самолетами, направлявшийся в Новороссийск, нашел мель. Английский пароход взял транспорт на буксир и привел... в Константинополь. Авиаторы, оказавшись без денег в чужой стране, продали три "Анасалья" и оплатили доставку парохода в Новороссийск. Чтобы продолжать бить красных.

В то время наиболее активно действовал на Северном Кавказе 1-й кубанский казачий авиаотряд. Отличились пилоты: подполковник Сакирич, сотник Носенко, подпоручик Журкевич и есаул Лиманский.

При форсировании в 1919 году реки Маныч близ станции Великокняжеская летчики Ткачева рассеяли конницу кавдивизий Думенко и Буденного. Сам Ткачев в полете был ранен в ногу винтовочной пулей. В эмиграции он работал таксистом и был застрелен грабителем-пассажиром в Вильжюиве, пригороде Парижа.

***

— Вот сейчас управляется хорошо, — говорит пилот Наконецный, — а в Одессе на подлетах он слегка мотался, как кленовый лист, — показывает рукой, как принято у авиаторов. — Какое сегодня число? — Наконецному нужно поставить дату в бортовом журнале. — Второе февраля, Юрий Юрьевич, — подсказывает подполковник Бирюков.

— Кстати, сегодня день рождения Чкалова, — генерал-лейтенант Бирюков, бывший командующий 5-ой воздушной армией, тоже здесь, при самолете.

Алексей Александрович Бирюков окончил Качинское авиационное училище. За 40 лет до него в Качинских авиаклассах учились Нестеров и Ефимов. В 65-м комполка Бирюков прилетал на этот самый аэродром "Лиманское" всем полком из Белоруссии, тогда практиковались такие массовые перелеты для повышения боеготовности, чтобы летчики не засиживались в гарнизонах.

— Пора бы покатушку делать, — говорят.

"Покатушка" на авиационном сленге — катание пассажиров или специалистов. Старший Бирюков, утепленный в комбинезон, с помощью сына-подполковника привычно, несмотря на возраст, облапил "фюзеляж", слился с самолетом. Он с ним одно целое, видимо, хватка эта неистребима. Бирюков прослужил в авиации 37 лет. Со сверхзвуковыми надбавками у Алексея Александровича 57 лет выслуги.

Самолет взлетает с генералом-лейтенантом в качестве летнаба и по размашистой спирали набирает высоту, чтобы там стать привычным кукурузником.

ЖЕРТВЫ

История цивилизации и история самолето-строения развивается тоже по спирали. Правда, витки бывают безжалостно сжаты неблагоприятными обстоятельствами до касания. Так случилось с повторенной через девяносто лет "Анатрой". "Оптимизированный для производства в местных условиях самолет", хоть и доводился с людскими потерями, все-таки был сыроватой и слабосильной даже по тем временам машиной. Судорожная спешка диктовалась военными действиями, в которых Россия уязвела.

Разумеется, перед хозяином Анатра маячила чувствительная выгода при реальном риске потерять вложенные в авиацию капиталы. Это первый градоначальник, аристократ Дюк де Ришелье, ютился на нынешней Екатерининской площади в хате, крытой соломой, вложил в развитие города все свое состояние, а потом помер почти нищим на родине, во Франции, тоская по одесским зкатам. А сын бедного итальянца-лодочника, выходец из многодетной семьи Анатра, был расчетливым купцом, нажившимся на мелничном бизнесе, но отнюдь не меценатом. Как, впрочем, и родной его брат Анжело, в особняке которого по Пушкинской, 29, находилось ОАВУК, Общество авиации и воздухоплавания Украины и Крыма.

Известно, например, что банкир Анжело Анатра, старший брат Артура, ссудил под чувствительные проценты деньги первому русскому летчику М.Н. Ефимову на поездку во французскую авиационную школу. Чтобы уплатить неустойку и расторгнуть кабальный договор, Ефимов рисковал жизнью, совершая объявленные на выходные публичные полеты при насморочной погоде и скудных сборах, когда у публики пропал интерес к авиационным зрелищам и когда дорогу перебегали конкуренты-авиаторы — их развелось предостаточно.

А памятник бесстрашному авиатору стоит на заводе "Одесавиасервис" недалеко от бюста Артура Антоновича — вот уж поистине славянское всепрощение или неразборчивость, как угодно, или все вместе, а может, просто время отфильтровало.

Еще труднее было разорвать договор с Анатра другому пионеру авиации, А.А. Васильеву. Угодил в кабалу Анатры и знаменитый спортсмен Сергей Исаевич Уточкин. Его потери были невосполними вообще. Благодаря броскому заголовку "Уточка увел у Уточкина жену" втрое подскочил тираж "Одесских ведомостей". Анатра в переводе с итальянского — утка. Этот факт хоть и скандальный, но спорный. Как утверждает проживающая на Французском бульваре Елена Александровна Зайцева, внучка Веры Николаевны Артуру Уточкин просто продал Веру Николаевну Артуру Антоновичу. Зарождающиеся капиталистические отношения с местным колоритом только с налету зашибают средневековым. На самом деле не исключено, что Артур Антонович глянулся красавице Вере Николаевне Уточкиной, и она, так или иначе, сделала бы свой выбор в пользу Анатры. "Полному товарищу и распорядителю торгового дома" осталось только благородно выписать чек Уточкину. Дебитор же Уточкин погасил часть долга, да еще и в глазах жадной до сплетен одесской публики выглядел эдаким роковым человеком одной идеи, жертвовавшим собственную жену во имя авиационного прогресса.

Чертеж своего первого планера патриарх советской космонавтики Сергей Королев, тогда еще учащийся одесского ПТУ, принес именно в авиационный особняк Анжело Анатра, где в советское время традиционно размещался аэроklub.

Наверняка дебиторы Анатры: Уточкин, Ефимов и другие — обходили особняк стороной.

Анатра чувствительно зарабатывал и на обучении пилотов не только за рубежом, но и в отечестве. Полный курс годовичного обучения в ОАК, авиационных классах, стоил 500 рублей. Военные обучались бесплатно, а президент ОАК Анатра даже получал от военного ведомства по 500 рублей за каждого подготовленного летчика. ОАК готовил до 100 летчиков в год.

Особое совещание по обороне в октябре 1916 года заказало Артуру Анатре 400 самолетов "Анаде" ("Декан") для корпусных авиаотрядов, которых распределились на два авиационских завода, 150 машин нужно было изготовить в Симферополе и 250 — в Одессе. Цена на машину устанавливалась 12 тысяч рублей, да еще к ней полагался комплект запчастей (40% от указанной суммы).

При этом себестоимость "Анаде" не превышала 7-8 тысяч рублей. Как достигалась такая аплетитная разница? Изготавливался самый массовый самолет из доступной древесины — ясеня, клена, фанеры, сделанной в цеху на Ольгиевской. Обшивкой аэроплана служило полотно, пропитанное специальным раствором. Возможно, для

удобства восприятия местным населением покрытие обиходно обозначили "авиатолем", толем были покрыты крыши Люстдорфа, над которым парили аэропланы. Толевый "Декан" оставлять на солнце не рекомендовалось, потому что обшивка начинала лущиться. Но ведь шанпоуты истребителей Яковлева и Лавочкина тоже выпиливали из фанеры, правда, бакелитовой. Для поточного производства нужны были упрощенные технологии, а на эвакуированном в Новосибирск заводе работали женщины и подростки.

Сроки поставок самолетов "Анатра" в действующую армию из-за начавшегося революционного брожения среди рабочих нарушались. У прибывших с опозданием на фронт самолетов с опозданием обнаруживались дефекты и откровенный брак: плохая склейка обшивки крыльев, слабое крепление стоек, небрежная, "на тяп-ляп", сборка. В памяти летчиков была халтурная модель одесского авиазавода "Вуазен Иванова", сконструированная подпоручиком В. Ивановым, которая была снята с вооружения со скандалами. "ВИ" разваливался прямо в ангаре от стояния, потому суевренные авиаторы и приняли "Анаде" в штыки.

25 октября 1916 года у села Полоница разведчик "Анаде" с пилотом поручиком Лагутенко и летнабом прапорщиком Войцманом был атакован австрийским истребителем и сбит, оба офицера погибли.

В 1917 году погиб летчик 6-го Сибирского полка старший унтер-офицер Яковлев, летнаб поручик фон Шеллинг чудом остался жив.

23 апреля 1917 г. "Анаде" 6-го армейского авиаотряда, занимавшийся охраной корректировщика у деревни Ценюв, был атакован "Фоккером". Летчик подпоручик Трутнев и летнаб подпоручик Лелюкин погибли.

19 июня 1917 г. в районе села Вишнево "Анаде" 7-го Сибирского авиаотряда, управляемый штабс-капитаном Шноором, был атакован австрийским самолетом. Штабс-капитан Шноор и летнаб подпоручик Куликовский разбились насмерть.

Было ясно, что "Анаде" безнадежно устарели, однако они оставались на вооружении.

РИСК В ПРОГРЕССИИ

Рассеять предрассудки на серийном боевом самолете вызвался командир 11-го армейского авиаотряда штабс-капитан Николай Аверьянович Макаров. Сохранился Акт № 1195 от 31 мая 1917 года.

"...какого-либо специального укрепления на самолете произведено не было, — удостоверять подписями полтора десятка очевидцев, от подполковника до младших унтер-офицеров и даже ефрейторов, — плечевых ремней не было (один поясной); самолет боевой, работавший в отряде около 60 часов; вместо пассажира был положен мешок с песком...

...Набрав 1800 метров, Шт. кап. Макаров включил мотор, и полого планируя, потеряв 300 метров высоты, поставил самолет строго против ветра. Увеличивая угол планирования, пилот включил мотор, и после 5-6 секунд работы мотора, когда последний взял полное число оборотов (1200, по заявлению Шт. кап.), самолет был переведен на "горку". В верхней ее точке выключен мотор, самолет переведен в горизонтальный полет (вверх колесами), и по переходе на нисходящую образующую мертвой петли — спиралью опустился к ангару... После мертвых петель регулировка нигде не нарушилась, тросы пулкоробок стабилизатора не нарушены..."

Тросы были слабым местом в конструкции, летчики жаловались, что рули поворачиваются туго.

Годность машины демонстрировалась исключительно для своих. Для союзников же, "чтобы они лучше снабжали нас", Макаров в ноябре 1917 затеял полет по маршруту Одесса-Бухарест-Салоники-Рим-Марсель-Париж. На первом же этапе двигатель расчихался, Макаров совершил вынужденную посадку близ города Яссы и прервал перелет.

Двойные мертвые петли Макарова "для своих" фронтовиков не убедили.

Боевые летчики не хотели гибнуть на негодных машинах. Февральская революция позволяла митинговать на состоявшемся в августе в Петрограде Первом всероссийском авиасъезде. Резолюция съезда требовала снять с фронта "Анаде", "Лебедь-12", "Вуазен Иванова", "Фарман 27".

ОТ БРАКА ДО ОЗАРЕНИЯ ОДИН ШАГ

Виноват ли в бракованном устаревшем издेलии банкир и предприниматель Артур Анатра? Не секрет, что все российские поставщики, а заодно и интенданты на войнах наживали состояния. Да только ли в России? В США и сегодня предвыборные президентские кампании щедро оплачиваются мощными концернами в предчувствии обещанных войн и госсзаказов. Можно только предполагать, что выделенные для производства "Деканов" бюджетные средства были урезаны, соответственно и моторы закупались за рубежом маломощные. При этом сам г-н Анатра своего не упустил, потому и случился двойной брак. Можно спустя 90 лет строить догадки, что, дескать, как платили, так и работали. Тем не менее, для двух тысяч рабочих на головном предприятии и филиалах было организовано бесплатное трехразовое горячее питание, потому работой дорожили. 6 марта 1918 года, когда австрийцы стояли уже в 40 верстах от Одессы, на завод прикатили гонцы-комиссары А.В. Сергеев и В.А. Евстигнеев. Со-

циализм в отдаленной перспективе рабочих не устраивал, социальные сдвиги были налицо на заводском уровне, и потому комиссаров воротили, пригрозив физической расправой. Хозяин не мог влиять на решение рабочих, потому что еще в 1917 году выехал в Петроград. В последний раз Артура Антоновича недолго видели в Одессе в 1919. По слухам, он застрелился в Париже в 43-м.

Сама же модель первого самолета с закрытым фюзеляжем "монокок", двигателем в носовой части и тянущим винтом Шовьера безусловно была прорывом, схему назовут классической. Во Франции, кстати, в то самое время была принята схема биплана с ферменной хвостовой частью и коротким фюзеляжем-гондолой.

19 декабря 1915 года первый "Анаде" лейтенант Робинэ поднял, а на вооружение самолет был принят уже 26 апреля 1916 года, то есть время на доводку было несерьезно коротким. Пилот Робинэ отметил слабую управляемость машины и недостаточную продольную и поперечную устойчивость. Был увеличен с 4 до 8 градусов угол стреловидности крыльев, и с 3,5 градусов до 6 угол их установки. Бипланную коробку сдвинули назад на 200 мм, а сиденья летчика и наблюдателя — перенесли вперед на 200 мм. Площадь хвостового оперения нарастили на 50%, а площадь элеронов — на 20%.

В меру "доведенный" биплан был, без сомнения, удачным аппаратом, и подтверждением тому востребованность машины, пусть в тренировочном качестве, в австрийской армии. Когда австрийцы взяли в 1918 году Одессу, они с желанием оприходовали завод аэропланов Анатра и даже наладили выпуск. Поверх трехцветных деникинских кругов австрийцы малевали на фюзеляжах кресты. Красные же потом поверх кругов рисовали звезды, не всегда успевая кресты закрашивать, так что получались весьма замысловатые и двусмысленные знаки: могли быть и свои, и чужие. Один из подвидов "Анатры" уникальный, произведенный в единственном экземпляре биплан "Анадис", скучавший без дела, разрисовали от хвоста до кончиков плоскостей. На фюзеляже изобразили флаги Антанты, а на плоскостях — обнаженных барышень.

Вывяленные 90 лет назад недостатки раритета были известны подполковнику Бирюкову. Потому созданный под его руководством реплицированный самолет легкомоторщики насытили всеми достижениями, опробованными уже, как положено, на серийных летательных аппаратах. "Анатра-2" вместил вместе с узлами и деталями удачные решения, которые осенили инженеров за последние 90 лет развития авиации. В степи под Люстдорфом, увы, не было аэродинамической трубы, рабочие же ЦОП изготовили модель 1:6 и отправили ее на продувку в НАУ, Национальный авиационный университет. Наверное, аппарат оценил бы безвременно погибший вместе с механиком Омелиным лейтенант французской службы Робинэ.

Потому и поднял его Юрий Наконецный на высоту 1500 метров. Мог бы и выше, но зимние метеоусловия не позволили.

ИЗ ЛИМАНСКОГО В ДУБАЙ

Смеркалось. Капониры выглядели таинственнее. Казалось, бронированные двери вдруг пахнутся под весом собственной тяжести, из бетонно-земляной норы покажет клюв фронтовой штурмовик "Су", чудом избежавший выселения и перепродажи за кордон. Вокруг капониров копилась тьма. Планировали летать еще полчаса, но "Анатра" неожиданно легко снизился, побежал по полюсе и замер у слепленного мальчишками, оплывшего в предчувствии весны снеговичка. Думали, опять что-то насторожило пилота, но оказалось, заявленное у диспетчера аэродрома время полетов истекло. Наконецного отстегнули от парашюта, и он обнялся с Бирюковыми — испытания превзошли все ожидания. Решили назавтра продолжить полеты. После необходимого налета инженер Цыганок с Наконецным повезут документы в отдел допуска к полетам. Комиссия вынесет заключение и обозначит рекомендации и требования. Если недостатки устранят, примут решение о выдаче сертификата летной годности сроком на 1 год. Для легких самолетов аматорской постройки.

27 апреля заводу исполнится 95 лет, и хочется надеяться, что к этому времени решение будет принято, чтобы загодиче на авиапразднике задирали головы и провожали силуэт с вырезом плоскостей, как у бабочки.

Тогда можно будет слетать на "Анатре" и на выставку в Гостомель под Киевом, она состоится на аэродроме Антонова с 8 по 12 июня.

Потом можно и на авиасалон в Дубай махнуть. А почему бы и нет? И отнюдь не исключено, что где-нибудь в Ле-Бурже или Дубае вместе со всеми будет поддерживать шляпу, наблюдая полет раритета, потомок Артура Антоновича Анатра, следы которого затерялись в западном направлении. Благодаря идеологическим перекосам в Великую Эпоху на слуху чаще были имена Серова и Гризодубовой, да оно и понятно, слишком уж лихо порхали на "Деканах" соколы из деникинских авиаотрядов, — но полного забвения не случилось.

Лиманское — Одесса

***P. S.** Пока готовился материал, Государственная служба управления, надзора и обеспечения безопасности авиации признала "Анатра-2" аппаратом, годным к полетам. Решение комиссии в переносном и буквальном смысле окрылило создателей прототипа.*

Валентина ГОЛУБОВСКАЯ

АЛЕКСАНДР МЕНДЕЛЕВИЧ

*Сгорели в танках мои товарищи
до пепла, до золы, дотла.
Трава, полмира покрывающая,
из них, конечно, проросла.*

Борис Слуцкий

Эти горькие строки поэта мог повторить о своих товарищах и Александр Менделевич Баренбойм.

Одиннадцать лет, что я проработала под его началом, были самыми счастливыми в моей долгой преподавательской жизни. Много раз я собиралась о нем написать, дала обещание мужу и Ольге Юдовне Ноткиной непременно это сделать, но волнение и боязнь — если бы вдруг Александр Менделевич смог прочитать мой текст о нем, не вызвало ли бы это его ироническую реакцию? — меня останавливали...

И все же острое желание поделиться воспоминаниями об этом замечательном человеке из тех, кого становится все меньше и меньше, возобладало. Мне хочется рассказать о том, что осталось в моей памяти из его рассказов, о том, чему свидетельницей мне посчастливилось быть.

Из консерваторских залов он ушел на фронт и воевал в знаменитой Тацинской танковой дивизии. Каюсь, как-то я по ошибке упомянула не менее легендарную Кантемировскую дивизию, с ней связав его имя.

— Тацинская! Я из Тацинской дивизии, Валечка! — воскликнул он одновременно с гордостью и негодованием. Я бросилась просить прощения, поняв, какую грубую оплошность, задевшую его, допустила.

Именно там, в Тацинской дивизии, Илью Эренбурга (газеты с его статьями, как известно, зачитывались до дыр и никогда не пускались на самокрутки!) "экипаж машины боевой" сделал своим почетным членом (согласие писателя было получено). Можно не сомневаться, что автором этой идеи был Александр Менделевич Баренбойм, который и после войны переписывался с Ильей Григорьевичем. В знаменитых мемуарах "Люди, годы, жизнь" Эренбург описывает эту историю, пишет очень тепло об Александре Менделевиче, вспоминает еще одного члена танкового экипажа — Ивана Чмиля. Для Александра Менделевича — Ванечка Чмил, только так на протяжении многих лет я слышала это имя и фамилию. Фронтное братство, фронтовая дружба сохранились до конца дней, хоть виделись они нечасто — Чмил жил в Белоруссии, но радостное сообщение: "Вчера получил письмо от Ванечки Чмиля!" — слышала нередко.

В сражении под Моздоком (если мне не изменяет память, но почему-то запомнился именно Моздок!) Александр Менделевич был, мягко говоря, тяжело ранен. Как-то он рассказывал мне (у нас с ним бывали такие душевные доверительные беседы, которые я с благодарностью вспоминаю), что был безнадёжен, и в госпитале увидел свою медицинскую карту с заключением-приговором — "Exitus". Но вопреки всему после тяжелейших ранений, потеряв на войне глаз и прожив оставшуюся жизнь с дыркой в голове, затянута кожей, он чудом остался жив. Судьба сохранила его на радость всем тем, кто его знал и любил.

Александр Менделевич знал подлинную цену войне, поэтому и в разговорах, оценках ее терпеть не мог ни чванливого советского офицера, ни лицемерной фальши. Но это была его Война.

И когда сегодня сталкиваешься с подленькими попытками пересмотреть историю, в которой, оказывается, не было никакой Великой Отечественной, а была просто вторая мировая война, когда начинается попытка по-крысиному укусить подлинных героев войны, мол, не был Александр Маринеско героем, а был убийцей, потопившим "Вильгельм Густлов" с совершенно мир-

ными пассажирами, у меня нет права взывать к памяти миллионов погибших, к памяти жертв Освенцима и Дахау, к погибшим в Бабьем Яру или в гетто — в Доманевке, Богдановке, я даже не обращаюсь к судьбам родных и близких, к исковерканному войной нашему детству — моего мужа, моему собственному, к детству моих друзей-сверстников. Я вспоминаю Александра Менделевича и думаю, что эти нынешние подлости, может, были бы самыми страшными из всех перенесенных им ранений...

Никогда не расставаясь со скрипкой, он все же после войны окончил филологический факультет Одесского университета. И это был не случайный выбор — любовь к музыке и словесности во многом определяли его духовную сущность.

После университета он попал "по распределению" в Краснодар. Это было время шашаба "борьбы с космополитизмом". Не знаю, застало ли Александра Менделевича еще в Краснодаре "дело врачей", но и "борьбы с космополитизмом" было более чем достаточно... Александр Менделевич рассказывал, что эти последние годы сталинского "ленинского периода", особенно в Краснодаре, были так невыносимы, что казалось, ни жить, ни дышать этим тлетворным воздухом невозможно. И, по его словам, от мрачных мыслей, толкавших его к последнему поступку в этой жизни, и от этого поступка спасли письма Зои Антоновны Бабайцевой. Он был ее студентом в университете, они переписывались. Зоя Антонова понимала, в каком состоянии он находится. Естественно, я не знаю, что именно писала Александру Менделевичу Зоя Антоновна, но его слова запомнила навсегда: "Это были письма подлинной русской интеллигентки, которые спасли мне жизнь".

Я вернулась из Ленинграда после университета и искала работу. Никита Алексеевич Брыгин, занимавший в то время какой-то важный пост, уговаривал меня идти в городское управление культуры. Но я и чиновничья работа — вещи несовместные. Видя мою растерянность, наш друг Алеша Иванов, спортсмен и журналист, сказал: "Надо тебя познакомить с Сашей Баренбоймом". Раз с Сашей, то, очевидно, это наш сверстник, подумала я. Так я познакомилась с Александром Менделевичем, а он привел меня в театральное училище.

Я попала в атмосферу доброжелательности, увлеченности своей работой, взыскательности, которая, несомненно, создавалась в первую очередь Александром Менделевичем.

И еще одна особенность училища тех лет — красавицы! В Одессе тогда говорили: "Самые красивые студентки — в театральном училище". И это была сущая правда. Но и мои коллеги, еще молоденькие преподавательницы, студенткам не уступали. Александр Менделевич ценил и эту привлекательную особенность нашего училища. Еще бы! Ведь у него был свой высокий образец красоты — его жена, Дагмара Петровна Каспржак, женщина с иссиня-белой сединой, подчеркивающей изумительную кожу ее молодого лица, с умными глазами и легкой заворачивающей улыбкой.

(Еще до знакомства с Дагмарой Петровной я встречала на выставках, в филармонии молодую красивую женщину с такой же ранней, с такой же волшебной в своей серебристости сединой и не знала, кто она. Однажды мы шли с мужем по Пушкинской, навстречу шла моя "прекрасная незнакомка". Муж поздоровался с ней, а я воскликнула: "Как, ты знаешь эту женщину? Кто она?!" "Это Зоя Ивницкая, жена Миши Ивницкого". Этот короткий разговор состоялся еще до того, как я начала работать в театральном училище. Но фамилия — Ив-

ницкий — мне была знакома. Я до сих пор помню даже не первый спектакль художника Михаила Ивницкого, а привлечшую меня работу на какой-то выставке в Художественном музее (почти полвека тому назад!), эскиз декорации: непробиваемая стена, и на ее фоне беззащитное одинокое деревце. Казалось бы, обыденный сюжет, но в нем был драматизм и безысходность, выделявшиеся на фоне бравадного официоза. А потом я узнала, какими близкими друзьями Александра Менделевича были Ивницкие, с каким восхищением он относился к таланту обоих.)

Его обаяние, умение ценить талантливых людей притягивали в училище многих. Кто только не побывал в те годы в училище, щедро (без каких-либо гонораров!) откликался на приглашения Александра Менделевича! Булат Окуджава и Зиновий Гердт, Анатолий Эфрос и Ольга Яковлева, Давид Боровский и Татьяна Сельвинская — можно долго перечислять легендарные имена.

Строка Пастернака "Талант — единственная новость, которая всегда нова", была и его, Александра Менделевича, убеждением и нравственным приоритетом. Он дружил с талантливыми людьми, я уже упомянула прекрасную семью Ивницких, можно вспомнить, с каким восхищением он относился к Леону Яковлевичу Альшицу, и был счастлив, когда ему удалось уговорить Леона Яковлевича, загруженного работой в Русском театре, еще и преподавать в училище. Восхищался энциклопедичностью знаний Константина Кирияковича Стамерова в истории культуры, в истории костюма, тяжело переживал его уход, радовался вышедшей посмертно уникальной книге Стамерова по истории костюма и горевал, что сам автор так и не увидел ее при жизни.

Я уже год работала в училище, и весь год Александр Менделевич мне обещал — вот, мол, скоро из Мухинского училища вернется Вета Бабынина, и вы с ней непременно подружитесь, и показывал рисунки Веты в письмах к нему — трогательный эрдель-терьер то с веселым, то с грустным выражением "лица". Это были Ветины автопортреты, в которых она делилась с Александром Менделевичем своими настроениями. Наконец свершилось, Вета начала работать в училище, и мы подружились с ней мгновенно.

Я часто забегала в училище даже в те дни, когда у меня не было занятий. Однажды, прибежав, я застала скучающую Вету, у нее было "окно". Мы решили преподнести Александру Менделевичу сюрприз. Я забралась под его стол, а Вета побежала в аудиторию, постучала и закричала: "Александр Менделевич, срочно к телефону — управление культуры вызывает!". Он, чертыхаясь, влетел в нашу маленькую преподавательскую, где под его "начальственным" столом, задыхаясь от смеха, сидела я, закричал: "Ну, почему трубка на телефоне? Что ты по глупостям меня отвлекаешь от занятий?!" Тут из-под стола выскочила я, мы с Ветой (две преступницы!) повисли с обеих сторон на нем, скуля: "Мы хотели вас обрадовать!". Александр Менделевич в гневе еще грозил нам кулаком, но улыбка на его лице подсказала — мы прощены!

У всех свои ценности. В наши дни высокие чиновники доставляют себе радость — покупают каждые три месяца автомобили новой модели за миллион гривен. Наверное, радуются. А по мне эта бесстыжая радость — словно набил брюхо и захрапел от удовольствия.

Я вспоминаю иную радость. В шестидесятые годы в полукруглом здании, там, где "Дом книги", со стороны Греческой площади был его филиал — маленький магазинчик "Поэзия". Его хозяйкой и душой была Лидия Александровна, Лидуся, как звали ее многочисленные друзья. Выход каждой книги люби-

мых поэтов был счастливым событием. Но книг было мало, и бедной Лидусе приходилось решать головоломки, как эти книги отдать в жаждающие руки, чтобы никого не обидеть, но все равно книг на всех не хватало. Но если уж тебе в этот раз судьба улыбалась — счастьем не было конца.

Александр Менделевич вообще ходил быстро, в тот день он буквально летел в училище, держа в руках сокровище — это был синий том Марины Цветаевой из большой серии "Библиотеки поэта". Если на протяжении стольких лет я помню, как он светился от счастья, поглощая книгу, открывая ее наугад, читая вслух стихи Марины, то с чем, с какими благами может сравниться эта Радость?!

Педагогом, преподавателем он был от Бога. Я иногда просила разрешения посидеть у него на занятиях, чтобы насладиться его речью, тем упоением, с каким читал он русскую литературу.

Александр Менделевич приходит на перемену сияющий: "Я сегодня читал Лермонтова, а Генка Васильев спрашивает: "А на каком языке звезда с звездой говорит?". Я ему поставил "пятерку" за вопрос!".

Витю Стадиченко после училища забрали в армию. Он пишет письма Александру Менделевичу, тот ему отвечает (он переписывался со многими своими учениками!). Однажды Александр Менделевич рассказывает: "Получил письмо от Вити, он ко мне обращается: "Дорогой Мэтр!". Я ему ответил: "Дорогой КилоМэтр!" — Витя был очень высоким и тоненьким, как тростник...

Он был разным — романтиком, лириком, но когда речь шла о дорогах ему вещах, таких, как "благородство и достоинство", порядочность, в их защите он был непоколебим. Часто его выручали юмор и ирония. Не случайно он был участником и соавтором знаменитых "капустников" в Доме актера. Валерий Хаит вспоминает, как однажды в Доме актера один за другим выступали остролисты. Александр Менделевич после очередного выступле-

ния сказал: "Мы слышали много остроумных людей. Дайте послушать умного человека!".

Нужно ли говорить, что ученики его обожали. Сколько сердечных тайн было доверено только ему, сколько его учеников находили приют в радушном доме Александра Менделевича и Дагмары Петровны! Дом — громко сказано! — комната в коммунальной квартире на Канатной. Я не ошибусь, если скажу, что ни одного завтрака, заботливо уложенного Дагмарой Петровной на его долгий, безразмерный рабочий день, он не съел один. Половина завтрака непременно отдавалась кому-нибудь из вечно несытых студентов.

Сколько человек, его знавших, учившихся у него, работавших с ним, благодарно и с любовью вспоминают его имя на разных континентах, в разных странах, можно только догадываться, но то, что их великое множество, сомнению не подлежит.

Встречаю несколько лет назад в Филармонии Лидочку Стоянову, теперь Лидию Георгиевну Исаенко. Лидочка говорит: "Как бы радовался Александр Менделевич, узнав, что я окончила университет!". Еще как бы обрадовался!

Я так давно собиралась написать об Александре Менделевиче, что даже придумала заголовок из Мандельштама: "Жил Александр Сердцевич..."

Эти стихи всегда, думаю, не только у меня связывались с Александром Менделевичем, настоящим "Александром Сердцевичем", "еврейским музыкантом". Как-то в разговоре с Аней Мисюк пожаловалась: "Хочу написать об Александре Менделевиче, даже заголовок придумала, но вот прочла замечательную статью Алены Яворской о Сандро Фазини с тем же заголовком...". Умница Мисюк посмотрела на меня и сказала: "Назови просто — "Александр Менделевич". Спасибо ей за совет. Нужно ли что-то придумывать, когда полны достоинства слова? — Баренбойм.

Александр Менделевич.

Вера ЗУБАРЕВА

ДОМ-КОРАБЛЬ: ПОЭЗИЯ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ПЕРЕМЕЩЕНИЙ

Часть биографии оставлена за бортом.
Шумит вдалеке другая дорога.
Вернуться в родной язык — что в нетопленный дом,
Где холод встречает с порога.

Если призрак — молчи. Это лучше, чем речь ни к кому.
Нарушенье законов природы
Все равно непонятно запуганному уму,
Что обходит ту сторону небосвода.
Там — все то же, все те же, только знак изменен.
Чужестранец в обеих, ты в первой — всегда инородец.
Потому и оставлена часть от тебя — за бортом,
И другая грозитися туда же в надрыве бессонниц.

Но как только минует ту зону больших облаков,
Там уже — Небеса, что сокрыты на небосводе.
Там сигнал на любом из своих языков —
Все равно не издастся ни в одном переводе.

Это так, обобщенье. Пока что еще не к себе.
Разобраться успеть бы хоть с одной из своих биографий.

Это, кажется, вышло на том, на другом, что теперь
Открестился и холодом веет. И вправде.

...Жизнь в маленькой кухне с окном на соседнюю пятиэтажку, похоже, подходила к концу. Тетрадь уже несколько дней задумчиво лежала на кухонном столе и смотрела на лампу своими пустыми страницами. Комнаты были почти разобраны, а чемоданы почти собраны, но легкость комнат все равно перевешивала пузатость чемоданов, потому что в комнатах обитала вся прошлая жизнь. Все уже решено, но от этого не становится понятнее, как переступить, переплыть, перелететь через то, что навсегда слито с тобою.

Где-то тихо движется отец — никогда, никогда он так тихо не пересекал комнат! — и буйно бежит по освободившемуся пространству ребенок — и он так никогда не разыгрывался раньше. Мы покидаем отца, который придет позже, всего через год, но этот год будет уже не годом, а вехой, эпохой...

Время меняется на глазах вместе с пространством, лопается по швам, и сквозь него прорезаются звезды, совершенно не те, к которым мы привыкли. Отцу не страшно — он знаком со всеми звездами в разных частях земного шара. Так мне хочется думать, иначе — никогда не оставить этой кухни и навсегда прирасти к табуретке у стола с побледневшей тетрадью.

К морским глубинам тянется душа.
Там все знакомо — кривизна пространства,
И копошенье — эхо вечных странствий,
И тьма, откуда жизнь произошла.
К морским глубинам тянется душа.
Туда же осень тянется за летом,
Туда уходит день за новым светом
И мысль за отрицаньем рубежа.
К морским глубинам тянется душа,
Чтоб в голос крови вслушаться взвзятку,
Следить, как жизни бродят нараспашку
По кромке неизвестного числа,
И ощущать привязанность нутра
К рассеянному тлению заветов
И расщепленью памятных моментов
На бесконечность краткого вчера.

(Из неопубликованного)

Навсегда, навсегда, навсегда... Пусть осыпаются листья и иссушаются в пепел, и посыпают страницы, и не будет ничего, кроме этих легких пепельных насыпей, которые можно потревожить только дыханием.

Я делаю вдох, и горки слабо колышутся, а потом мягко оползают, рассеиваясь в сизом свете ночной кухни. За стеной слышны приглушенные голоса провожающих.

Звоню Ахмадулиной. Книга моих стихов с ее предисловием, готовившаяся к печати, уже никогда не выйдет в Одессе.

Она поднимает трубку.

— Я попрощаться.

— Верочка, все будет хорошо, — без лишних вопросов тут же отвечает она. — У вас все будет замечательно, — повторяет она уже с другой интонацией, как будто знает то, чего не знаю я.

Ну, все. Теперь только нужно пережить глаза отца в момент прощания. Одиннадцать вечера. Собираются друзья. Приходит Елена Куклова, ведущая актриса Одесской филармонии, наша добрая приятельница. Вместо традиционного прощания — чтение стихов. Лена открывает мою рукопись с предисловием Ахмадулиной и читает. Ночь медленно наполняет комнаты черными чернилами. Ребенок уснул на чемоданах в ожидании автобуса.

В последний раз оглядываю кухню — пристанище споров и размышлений. Больше сюда уже не вернуться, разве что в снах...

1

Дом начинен до отказа друзьями.
Три часа ночи. Последний друг —
самый забытый, самый, самый,
из детства, из глупостей, с кем адресами
никогда не обмениваются, и не испытывают мук
по этому поводу (следуя нормам
общепринятым — было и нет),
раскручивая на палке растопыренный кед,
решится,
войдет.
И дом будет взорван.

2

Вена еще далека.
Автобус подъехал к дому.

Каждому — два глотка
Воздуху или рому
Из опухолевых фраз,
Растущих в том, характерном
Направлении для метастаз.
Автобус заводится в нервном
Стремлении рвануть.
Сейчас!..

3

Посредине черной ночи —
Руки поднятые ввысь.
Посредине черной ночи —
Кто простись, а кто — молись.
Посредине черной ночи
То ли падал, то ли плыл
Дом опустошенный отчий
Сквозь ладоней млечный тыл.
Восклицанье "Вена! Вена!"
Заставало вновь врасплох
И, как скрытая каверна,
Прожигало каждый вдох.

4

Автобус юлит над обрывом.
Дорога к границе — что к Господу на суд.
По таким неправдоподобным извивам
Лишь ангелы смерти преставленного несут
По его же замирающим мозговым извилинам.
Каждый чувствует себя распиленным
Или расколотым вследствие грандиозной аварии
На левое полушарие
И на правое полушарие.

(Из сборника "Аура")

Эти стихи напишутся позже, в Италии.

Все. Дорога катит вперед, а ты смотришь назад. И это вопреки себе же самому, стремящемуся вперед и выбирающему дорогу.

...Все дороги ведут в Рим, включая и наши эмиграционные. Италия... После величественно-сдержанной Вены она — как внезапный залп с последующим фейерверком южного щедрого темперамента.

По вечерам на римском базаре бесплатно вываливают ящики непроданных фруктов, и спелая хурма, киви и бананы мгновенно разбираются ошалевшими от невиданной расточительности итальянцев эмигрантами.

Италия — это праздник, это карнавал жизни, это то, чего не бывает в реальности, — отсутствие обыденности и монотонности.

Где загорали вы? В Италии,
На склоне года, в ноябре,
В предместьях Рима — в той дыре,
Что и названья не слышали вы,
Что и на карте не искали вы.
В такой невиданной мечтании
Я загорала в ноябре.
Сияли глянцами магнолии.
Все было так, как говорю.
И тосковала я не более,
Чем принято в сием краю.
И восхищалась я: в Италии
На этом самом берегу
Я ль очутилась, я ли, я ли, я!..
И плыл обернутый в фольгу
Кусочек жизни в поднебесье
Туда, где нет уже тепла,
Где я была,
Где быть могла —
К далекой, дорогой...
К Одессе...

(Из сборника "Менуэты с тенью")

Дом — один из центральных образов в моей поэзии и прозе. Его символика сближена с древом жизни, с мифологическим космосом, где бытие проникает в быт, видоизменяет его и поднимает на уровень осмысленности. Осмысленное бытие Дома делает его обитателей значимыми и самодостаточными, неподвластными разрушительному воздействию стихий. Само перемещение в пространстве — это движение не из Дома, а с Домом. Но происходит это отнюдь не автоматически. Процесс обрастания Домом так же медлен и мучителен, как процесс возвращения в себя после длительного беспамятства.

...Стою под ночным итальянским небом с его низкими звездами и стараюсь отыскать ту маленькую звездочку, всегда сопровождавшую меня в Одессе. Либо смотрю не туда, либо мир значительно сместился с оси. Смотрю еще раз. Ничего нет. Потеря звезды все равно что потеря отражения в зеркале.

Бутерброд, съеденный в Венеции, прямо на площади, возле собора, между сытых и вместе с тем жадных голубей, вдвойне роскошней, чем от него ожидалось. Мы не можем отведать горячей итальянской пищи — на ресторан нет денег. Так что приходится довольствоваться домашними заготовками. Сказка, иллюминирующая за хрустальными дверями и витринами, пока не для нас. Мы напоминаем себе зрителей, чудесным образом очутившихся внутри волшебного экрана. Нам можно разгуливать по переулкам и площадям. Все, что извне, — наше. Но вовнутрь нам проникнуть нельзя, потому что силы, перенесшие нас туда, еще не настолько всемогущи, чтобы сделать нас полноправными участниками действа. Впоследствии это войдет в книгу "Дом и его обитатели"...

Зимний воздух
Работы венецианских мастеров

Переливается в обрамлении кварталов.
Иллюзией двойственности миров
Наполнены кладези каналов —
Там колышется роскошь
Зацветших илом дворцов.
И плещущая о стены прама-терь Хаоса
Сочленяет отражения и объекты,
Как сиамских близнецов,
Этажам нижнего яруса.

Гондола со статуэткой гондольера
Покачивается в лужице золота.
Детали собора, где для полноты интерьера
Не хватает только серпа и молота,
Веселятся и утверждают
Собственные каноны.
Спертые кони и фиктивные колонны
Разрастаются на солнце,
Будто в них подмешали дрожжи.
Над этими водами
Носился Дух Божий!

Венеция,
Ты будешь сниться всегда
Той, что смотрелась в твои каналы
И печалилась, что не оставила ни следа,
И о будущем ничего не знала.
Снишь ей,
Как страннику снится кров,
Чтобы не шел в бездуховном унынье.
Снишь,
Вместо витатированных снов
На мозга исколотой половине,
Когда имя, написанное по-латыни,
Отчуждается от его родослов...
И когда шлагбаум опускается
Под стать гильотине —
Снишь!

(Из сборника "Аура")

Перелетаем океан. Из Эдема теплой Италии попадаем прямо в снежный январь Филадельфии.

Первое впечатление от Америки — это ощущение инопланетности. Америка не похожа ни на одну европейскую страну. Иная планировка домов, иной вкус еды, иные запахи и люди. И климат. Впечатление, что ты где-то на Марсе. А тут еще пресловутая клубника зимой...

Несем домой клубнику. Идет снег. Улицу замело. Сыну восемь лет. Он стоит возле окна с клубникой в руке и задумчиво смотрит на крупные снежинки, потом поворачивается ко мне и говорит: "Мама, смотри, — лето, а снег идет!"

Ощущение искусственности собственного второго зарождения не покидало какое-то время. Первое лето было оглушительным, оно накатывалось на Дом в стремлении снести его буйностью форм и красок. Лавина состояла из ярких цветений и огненных насекомых, облепивших окна и деревья, и плотных небес, выкачавших воздух из легких покрытого испариной города. И дом постепенно прорастал корнями в новую почву, в которой зарождалась красота.

Ныряет ночь
В узорах и изломах
Под тяжесть разодетых насекомых.
Панбархатом обшито крыло
Дородной бабочки дает внезапно промах
И возмущенно бьется о стекло.
Феерии бесчисленных светляков,
Что мчатся на огни особняков,
И разлетаются на мелкие осколки,
И сыпятся на травы и на елки.
Достигнуты заветные места.
Но как же и кому досталась та,
Другая жизнь, в нехитром до-мажоре
Проигранная запросто, с листа?
Опасный аромат любви и скорби
Разлит по дому, и жуки-гиганты
Штурмуют окна замкнутой веранды,
Запаянной, с их точки зрения, колбы,
Откуда ты, должно быть, происходишь —
Второй судьбы искусственный зародыш.

(Из сборника "Менуэты с тенью")

Следующее лето уже не было столь оглушительным, оно больше не накатывалось на Дом в стремлении снести его буйностью форм и красок. Дом постепенно прорастал корнями в новую почву, в которой зарождалась красота. Дом — это, в сущности, Древо Жизни, в котором ты навсегда слит с его корнями и сам же и являешься его кроной. Обретение Дома — это обретение себя в будущем, прошлом и настоящем, это проекция себя на вечность.

Перемена места — что перемена погоды.
Переживаешь не перелет или переезд.
Переоценка бывшего — вот роды,
Которыми завершается собственный арест.
Это — внутреннее преодоление пространства,
Как движение к Шамбале или Исход,
Или переход из язычества в христианство,
Или наоборот.
Это путь растения
От озерной кувшинки до Лотоса,
Путь сомнения —
От клокота крови до Голоса,
Путь свершения —
От "аз-буки-веди" до Логоса.

(Из сборника "Аура")

"Сновидение". Андрей Устинович (Феодосия)

ФОТОБИЕННАЛЕ: ПОБЕЖДЕННЫХ НЕТ

Оценивать творческие работы, сравнивая их с другими, вообще чрезвычайно сложно, поэтому конкурсы всегда несколько условны. Так и Пятое одесское фотобиеннале: притом, что победители названы, назвать кого-либо из финалистов побежденными оснований нет. Из общего количества поступивших работ (327 фотографий) в результате двух туров голосования членами жюри отобрано для экспозиции, развернувшейся в трех залах Художественного музея, 109 произведений. И каждое из них по-своему совершенно, несмотря на то, что призеров всего одиннадцать.

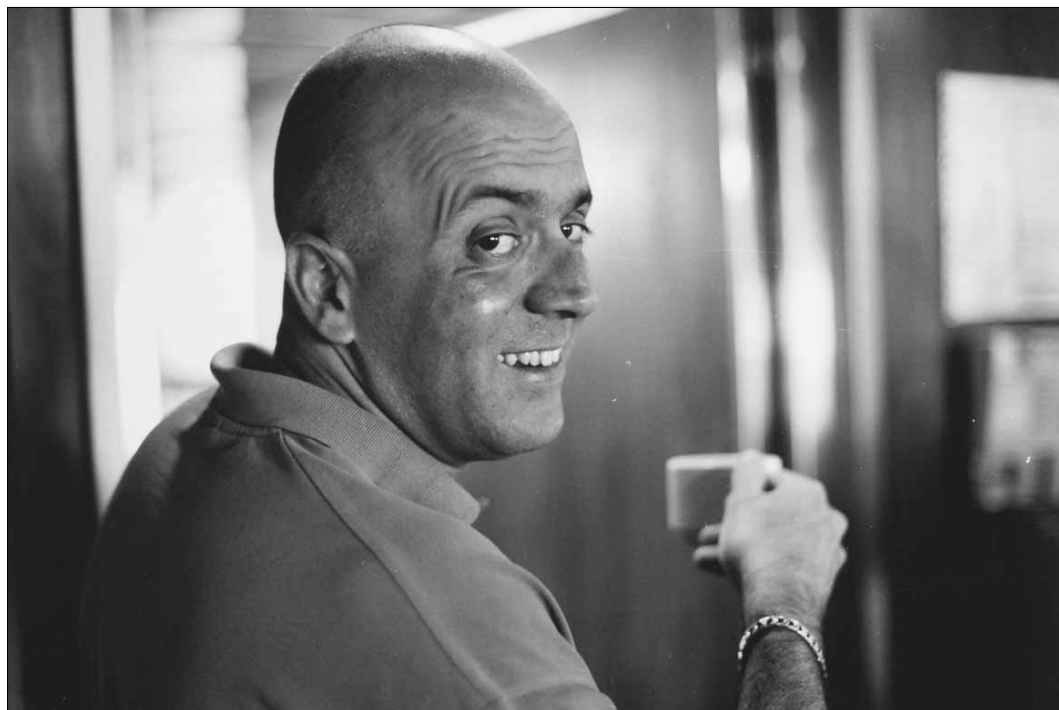
Один из самых активных организаторов биеннале, член Национального Союза фотохудожников Украины Вячеслав Богомоленко в общении с журналистами порадовался тому факту, что на вернисаже присутствуют

работы мастеров из Украины и Молдовы. Это страны с живописной природой, яркими национальными традициями и типажом, что и придает фотоработам, сделанным там, особое обаяние. Первый приз достался снимку "Детство" Александра Швеца (Украина), второй разделили "Осень" Игоря Зенина (Молдова) и "Варшава" из серии "Городские хроники" Андрея Дегтева (Украина). Три третьих премии достались Игорю Пехтереву, Олегу Огороднику (оба — Украина) и Михаю Потырнике из Молдовы. Поощрительных призов удостоены работы Александра Воропаева, Олега Миргородского, Александра Харвата, Олега Козловского и Владимира Черного. А благосклонного зрительского внимания — все представленные на вернисаже снимки.

Мария ГУДЫМА

Вячеслав Богомоленко (Одесса)

"Георгий". Олег Миргородский (Одесса)

Владимир Гайдаш (Молдова)

Александр Славин (Одесса)

"Где-то между Киевом и Одессой". Нэлли Спирина (Киев)

"Покупка". Борис Панов (Николаев)

"Юлия". Андрей Войцехов (Феодосия)

"Обличья держави" из серии "Лики". Александр Воропаев (Одесса)

"Childhood (детство)". Александр Шве́ц (Львов)

"Сухой букет". Любовь Савельева (Николаев)

"Каждому свое". Олег Огородник (Львов)

Елена ГАВДЗИНСКАЯ

«Три привидения из «Белого сердца», или Зарисовки в стиле кантри

Я очень люблю Лондон. Лондон — это потрясающе! Трафальгарская площадь, Вестминстерский мост, здание Парламента, набережные, окутанные утренним туманом, и площадь Пикадилли, сверкающая вечерними огнями, со знаменитой парящей фигуркой Эроса в центре, под которой назначают свидания все влюбленные. Знаменитые красные автобусы, виртуозно лавирующие по узким улицам, розы, цветущие в парках и скверах зимой, богатство музейных коллекций, всемирно известные выставки, шопинг-центры, улыбающиеся прохожие. Лондон — это вечный праздник!

Но несмотря на всю мою пылкую любовь к помпезной столице Англии, мое сердце все же принадлежит совсем другому, особенному миру Великой старой Британии. Этот удивительный сказочный мир — английские деревни. Здесь время останавливается, ты не ощущаешь, что наступает завтра или проходит неделя, напротив, ты возвращаешься в прошлое. Вряд ли найдется деревушка, через которую не проезжал бы какой-нибудь король или знаменитый рыцарь. Каждый уголок дышит историей, колокольным звоном древних церквей, из века в век плывут мистические сказания, а в старых пабах шалят неугомонные привидения. Домики с красными черепичными крышами утопают в цветах. А вокруг изумрудные, желтые, сиреневые поля, голубые бескрайние дали, вышитые разноцветными узорами лужайки, речушки, журчащие о чем-то о своем, и птицы, парящие в хрустальном воздухе, нарушают тишину своими трелями, воспевая тихую нежную красоту этой земли.

***

В Сакселби, графства Линкольншир, мы приехали, когда уже сгустились сумерки. Сидя у камина с традиционной чашкой английского чая, приятно было расслабиться после долгой дороги. Стеклопанная дверь в сад была приоткрыта, с полей доносился запах свежескошенной травы. За забором, увитым плющом, среди деревьев виднелся силуэт башни старой церкви. На фоне синего неба он казался сказочной крепостью. "Сейчас начнут звонить колокола, — предупредил хозяин дома, — звонить будут час, не знаю, как ты к этому отнесешься". "Замечательно", — ответила я.

Привыкнув к нашему православному оглушительно мажорному звону, я приготовилась услышать нечто подобное. Несмотря на то, что церковь находилась рядом, звон раздался как бы издали, вернее, это был не звон, а нежная мелодия, светлая, волнующая, она плыла в тишине, едва касаясь крон деревьев. Звон внезапно смолк, но через несколько секунд новая мелодия взлетела в вечернее небо, наполняя сердце радостью и покоем. Звучала волшебная музыка колоколов, призывая нас к любви и добру, и в этот момент казалось, что все в нашем мире будет прекрасно. Одна композиция сменяла другую, но ни разу не повторилась дважды, и только когда последние звуки мягко растаяли на засыпающих полях, я почувствовала, что время остановилось, природа замерла, боясь вспугнуть неосторожным дуновением ветерка эту благодать, оставленную нам вечерним звоном колоколов.

***

Неподалеку от нашего дома стояло старое заброшенное здание из красного кирпича. Огромное дерево со сломанными высохшими ветками крепко держало его в своих объятиях. Вход во двор почти зарос кустарником и представлял собой маленькую зеленую арку из сплетенных между собой ветвей. Похоже, что в деревушке этот дом уже давно никого не интересовал. В надежде найти какой-нибудь интересный мотив для этюда, исцарапанная колючками и искусанная крапивой, я очутилась во дворе таинственного дома. Двор скорее напоминал дикое поле — бурьян по пояс, видно было, что нога человека не ступала сюда уже давно. Некогда красивое здание смотрело на меня безжизненными окнами, от них веяло печалью и одиночеством. Одно стекло было разбито, очевидно, от удара брошенного камня. В нем зияла черная дыра, от которой кривыми лучами расходились трещины, как будто кто-то непрошено ворвался в чью-то тихую жизнь, искалечил ее и исчез навсегда.

Утопая в высокой траве, я осторожно прошла к окну. На подоконнике стояла оставленная кем-то стеклянная пивная кружка, пустая бутылка, по которой, о чем-то размышляя, медленно бродил паук, лежала рядом. Напротив дома из кустов выглядывало маленькое строение с забавной покосившейся крышей, когда-то здесь жил лохматый сторож, охранявший покой этой усадьбы. Под дряхлым навесом лежали останки мебели, дырявая кухонная утварь, куски ржавого железа. Среди этогохлама белела чудом уцелевшая садовая скульптура мальчика, державшего над головой круглую вазу для цветов.

Пробравшись через дремучие сорняки под навес, я с трудом вытащила фигурку из-под реликвий некогда бившей ключом чьей-то жизни. Очистив маленькую статую от земли и паутины, я поставила ее на траву посреди двора. Малыш смотрел на меня круглыми добродушными глазами, единственный немой свидетель разыгравшейся здесь жизненной драмы. Освещенная мягкими лучами предзакатного солнца, его белая одинокая фигурка еще больше подчеркивала печаль и заброшенность этой усадьбы. Работать мне расхотелось, я повернулась и с легкой грустью пошла домой.

К ночи похолодало. Забарабанил по стеклам дождь. Ветер заскулил, застонал, застучал ветками по крыше, напоминая, что осень вошла в свои права. Закрыв форточку, я посмотрела на улицу. За окном было мокро, темно и пустынно, а в гостиной холодно и неудобно. Пришлось разжечь камин.

И вдруг я вспомнила про малыша, который сейчас стоит один под дождем, в заброшенном темном дворе. Сердце мое сжалось, как будто я оставила там маленькое живое существо. Схватив зонт, в комнатных тапочках я выскочила из дома, добежала до старого особняка, преодолевая страх и мокрые колючие ветки, быстро пробралась во двор, схватила фигурку мальчика и бросилась бегом назад, крепко, как живого, прижимая к себе малыша.

Сейчас у моих друзей в Сакселби, в красивом саду стоит маленькая белая скульптурка — малыш, держащий над головой круглую вазу с цветами. Он улыбается, ему нравится его новая жизнь.

***

Солнце золотыми лучами пробивалось сквозь развалины старой крепости, бросающей длинную фиолетовую тень на холм, по которому извилистой лентой спускалась к реке дорога. Мы возвращались из Йорка, где замечательно провели воскресный день.

— Эх, — мечтательно произнес Пол, — сейчас бы чашечку чая с яблочным пирогом...

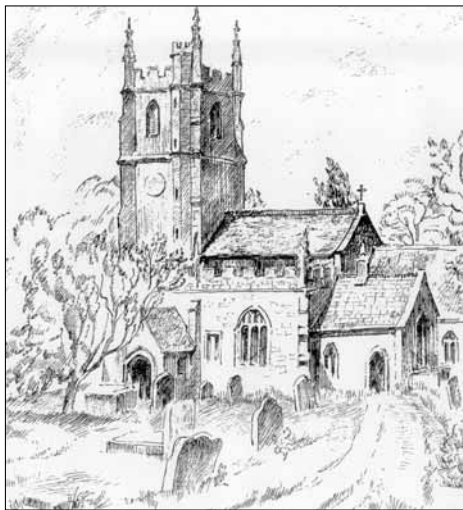
Мы свернули на дорогу, ведущую к Сакселби, и машина поплыла между полями, освещенными теплым заходящим солнцем.

— А вот и яблочный пирог! — воскликнула я, увидев стоящие вдоль дороги яблони, увешанные красными яблоками. — Давай немного наберем.

Яблоки были красивые, но по вкусу немного уступали нашим родным с Привоза. Правда, для пирога были в самый раз. Быв карманы куртки яблоками, я в приподнятом настроении села в машину. Через несколько минут мы въехали в маленькую деревушку. На фермерском доме белела вы-

веска с надписью "Свежие яйца, 1 фунт за дюжину". "Стоп! — закричала я Полу. — Давай возьмем, и не нужно будет заезжать в магазин".

Пожилый фермер, получив свой фунт, с улыбкой вынес нам две коробочки с нарисованными на них цыплятами. Было очень приятно купить свежие яйца, можно сказать, прямо из-под курочек, и в два раза дешевле, чем в супермаркете. Я почувствовала себя business woman, заключившей крупную сделку. Яблоки — даром, яйца почти даром, но прелести английской деревенской жизни были еще впереди.

Вскоре между деревьями показалась колокольня знакомой церкви, мы подъезжали к Сакселби. Здесь меня поджидал очередной сюрприз. В начале улицы перед домом, увитым розовым кустом, стоял изящный деревянный столик, покрытый белой скатертью. На столе были аккуратно разложены пять кульков с помидорами, рядом стояла тарелка с несколькими монетами. На белом листе бумаги каллиграфическим почерком было выведено: "Помидоры 50 пенсов за фунт". Цена символическая. Нет, сегодня просто какой-то день везения! Я выскочила из машины с зажатым в кулаке полтинником. Монета стукнула о тарелку, а я стала обладательницей красных, пахнущих полей помидоров.

Нужда ехать в магазин отпала, и мы свернули на узкую улочку, ведущую вверх, к церкви. Можно было возвращаться домой. Но не тут-то было. На следующем повороте прямо на траве стояла большая плетеная корзина, наполовину наполненная медовыми розовоками сливами. Надпись на куске фанеры гласила: "Сливы даром. Только, пожалуйста, оставьте корзину".

— Боже мой! Как чудесно жить в английской деревне, — думала я, перекладывая сливы в один из полиэтиленовых пакетов, которые лежали рядом с корзиной, предусмотрительно оставленные заботливыми хозяевами слив.

***

Очень ценю англичан за их отношение к животным. В Англии я не встречала ни одной бродячей собаки или кошки. К лошадям они относятся с особенной любовью. В деревнях их заводят, как собак, и держат при доме для собственного удовольствия. Если нет возможности поселить лошадей рядом с собой, их отдают на воспитание фермерам, а по уик-эндам приезжают к своим любителям, чтобы провести с ними выходные, покатаются верхом, доставить удовольствие детям.

В один из теплых сентябрьских дней мы ехали по узкой заасфальтированной дороге, выходящей между полей, в поисках мотивов для пейзажей. Через несколько минут на солнце блеснула голубая лента реки, три высоких дерева живописно отражались в воде, а по обе стороны дороги, отгороженной от полей старой деревянной изгородью, паслись кони.

"Боже мой, какая красота! Останови, пожалуйста, машину", — попросила я своего друга Пола. Мы остановились на обочине. Выйдя из машины, я подошла к забору и позвала лошадей. К моему удивлению, они наперегонки бросились ко мне и, поочередно тыча мордами мне в руку, как бы просили их приласкать. "Они скучают по людям, — пояснил мой спутник, — им нужно общение, а они целыми днями бродят одни по лугам".

С противоположного поля к дороге подошел огромный белый конь — мощный тяжеловоз с густой длинной гривой и лохматыми ногами — и тоже потянулся к нам. Я не смогла устоять перед его обаянием и почесала его за ухом. Конь демонстративно повернулся ко мне крупом, как бы говоря: "Вот тут очень чешется, только я не достаю". Я начала скрести его чуть повыше хвоста, и тут у этого могучего красавца от удовольствия начали дрожать и подгибаться задние ноги, как у моего спаниеля, когда ему чешут бок. Всем своим весом он медленно осел на ветхую изгородь, которая, в свою очередь, начала заваливаться на меня. "Прекрати! — закричал Пол. — Сейчас забор упадет!" Пришлось массаж немедленно прекратить и оставить коня в полном разочаровании.

Наш джип вновь понесся по серпантинной дороге между полей, лугов и садов, манящих спелостью тяжелых красивых яблок. Через минут пятнадцать мы подъехали к старой ферме. Через дорогу, напротив, в поле, я вновь увидела лошадей. Они лениво пощипывали траву, явно наслаждаясь жизнью. Неподалеку стояло длинное одноэтажное здание со множеством маленьких окошек. Все это хозяйство было ограждено забором с кованой надписью на железных воротах — "Horse house". "Это дом для старых лошадей, — пояснил Пол. — Когда они становятся слабыми и больными, здесь их кормят, лечат. Днем они пасутся на природе, а вечером идут спать в стойла. И так они живут доя своей естественной смерти".

На лугу, благоухающем ароматным разнотравьем, почтенные пенсионеры мирно принимали солнечные ванны, периодически помахивая хвостами, прогоняя назойливых осенних насекомых.

Одна из лошадок стояла чуть поодаль. Несмотря на теплый день, она была покрыта попоной. Очевидно, у нее были проблемы со здоровьем.

***

Но что за прекрасная жизнь у свиней Туманного Альбиона! На огромном поле процветает удивительное государство. Свиноарники английских пигги больше напоминают правительственные дачи. Каждая свинка имеет собственное угодье, около 20 кв. м, невысокий заборчик из легкой проволоки не позволяет соседкам без приглашения в гости. На свинячей вилле имеется персональный полукруглый дом, похожий на разрезанную пополам консервную банку, о который можно, повизгивая от восторга, долго тереться боком, личная кормушка и шикарная лужа, в которой можно лежать медитировать, забыв о собственных детях, резвящихся в зеленой траве. В отличие от своих упитанных мамаш, поросята легко пролазят под проволокой и, собираясь в детсадовские группы, путешествуют с одного участка на другой. На таком поле проживает около двухсот свиней. А каждая свинка имеет в среднем до пятнадцати поросят. Зрелище удивительное, забавное, незабываемое.

***

Мы подъезжаем к маленькой деревушке с амбициозным названием "Ньютон-на-Тренде". Моросит мелкий дождик, и мы уже слегка опаздываем на встречу в друзья, которые пригласили нас поужинать в паб "Белое сердце", славившийся в округе хорошей английской кухней. Когда мы подъехали к месту встречи, наши приятели уже сидели за столиком у входа в паб под большим зеленым зонтом и, ожидая нас, с покрасневшими от сырости носами допивали свои бокалы пива.

Подул промозглый ветер, и мы поспешили войти в маленький уютный ресторан. Паб "Белое сердце" представлял собой небольшой вытянутый в длину двухэтажный дом с крошечными окошками. Второй этаж, служивший отелем, был настолько низким, что казалось, постояльцам там приходится ходить, согнувшись в три погибели. Древняя черепичная крыша, побеленные стены с традиционными цветочными корзинами — в общем-то, ничего особенного по сравнению с рядом стоящими сказочными домиками, с изысканной милой архитектурой в стиле кантри. Но...

Паб "Белое сердце" был построен в 1600 году. Он находится между Шелфилдом и Линкольном, и служил гостиницей для из-

возчиков. Здесь останавливались кареты, и путники могли отдохнуть, чтобы с новыми силами отправиться в путь. В подвале этого дома преданные английскому престолу люди прятали короля Чарльза I от солдат Оливера Кромвеля. Об этом нам поведал хозяин "Белого сердца" Питер Хогдан.

Итак, мы сидели в уютном баре, в мягких кожаных креслах, попивая кто вино, кто пиво, кто кофе, беседовали с Питером в ожидании, когда нас пригласят к ужину.

Ресторан от бара был отделен огромным старинным камином, потемневшим от времени, с замысловатой чугунной решеткой. На просмоленном деревянном выступе тускло мерцали медные блюда с изображением всевозможных гербов, птиц и животных, которыми в Англии традиционно по праздникам украшали конскую сбрую. Сухие букетики полевых цветов, фарфоровые фигурки, старые куклы, пивные кружки, всевозможные колокольчики — все это висело, стояло, лежало на камине, придавая ему вид старого антикварного магазина.

Через несколько минут из-за камина выплыла хозяйка и пригласила нас пройти в ресторан. Обогнув камин, мы оказались в зале, разделенном на две части аркой из разноцветного кирпича. Тусклые светильники, мягко освещающие столы и стулья с высокими резными спинками, рисовали загадочные тени на стенах, увешанных маленькими картинками и фотографиями. В арке друг напротив друга висели два овальных зеркала с прикрепленными к основанию подсвечниками. Пламя свечей, отражаясь в зеркалах, придавало залу таинственный и мистический вид. Нас пригласили к столу, над которым на веревке болталась какая-то кукла.

Изрядно проголодавшись, мы с удовольствием принялись за ужин. Зазвенели хрустальным звоном бокалы, фарфор откликнулся на торопливое прикосновение вилок и ножей. В этот же момент над нашими головами раздался отвратительный хохот. Я взглянула вверх, — хохотала кукла. Кукла представляла собой ведьму на метле, с мерзкой гримасой на зеленом лице, с пшеничными волосами. На ней был надет черно-изумрудный парчовый плащ и такой же колпак с волнистыми полями. Эта игрушка реагировала на звон посуды сатанинским смехом. Мы, как дети, наперебой начали колотить вилками по тарелкам — ведьма отвечала нам леденящим душу хохотом.

Подошел Питер, поинтересовался, довольны ли мы ужином. "О! — засмеялся Пол. — Эта ведьма у вас, как привидение". "Привидение? — оживился хозяин. — Но у нас в "Белом сердце" действительно живут привидения. Я позову сейчас жену, она вам лучше расскажет об этом, чем я. Диана! — крикнул Питер. — Иди сюда, расскажи, пожалуйста, о наших привидениях".

Двери распахнулись, и из кухни выпорхнула Диана. Набрав полную грудь воздуха и придав лицу таинственное выражение, она начала говорить без запинки, как человек, который в сотый раз рассказывает одну и ту же историю.

Паб "Белое сердце" слыл беспокойным местом с давних времен. Питер и Диана приобрели этот дом четыре года назад, и старые хозяева предупредили их, что в доме живут привидения — три пожилые леди, которые на протяжении многих лет время от времени являются на светлые

очи посетителей паба. Старушки имеют нрав весьма шаловливый и причиняют немало беспокойства хозяевам дома. Став владельцами "Белого сердца", супруги Хогдан смогли убедиться в этом сполна. Периодически в доме начинают твориться беспорядки — чистые стаканы падают с полок, бокалы с пивом ездят по столу, в зале ресторана вдруг одна за другой начинают гаснуть только что зажженные свечи, раздаются звонки в дверь — а за дверью никого, в пустых комнатах по ночам скрипят половицы.

Однажды хозяева пригласили в "Белое сердце" миссис Дженет Дент, почтенную даму, пользующуюся большим уважением в кругу медиумов. Когда ушли последние посетители, паб закрыли, и за стол в ресторане сели семь человек: миссис Дент, Питер, Диана, пара близких друзей и прислуга. Ровно в полночь спиритический сеанс начался. Старушка вошла в транс, стол затрясся, и лежавшие на нем предметы закружились по часовой стрелке. Внезапно ледяной ветер пронесся по залу, пламя свечей задергалось в дикой пляске, и миссис Дент вошла в контакт с призраками. Как оказалось, привидений было не три, а четыре. Помимо трех милых старушек существовал еще некий злой и неприветливый пожилой мужчина. На вопрос медиума, кто он такой, старик ответил, что его зовут Закарайя, и он умер от туберкулеза. Миссис Дент сообщила этой призрачной компании, что пришла помочь им вернуться в их мир и перестать маяться на бренной земле, на что Закарайя категорически заявил: "Я не хочу уходить, мне нравится здесь". Старые леди скромно промолчали.

После встречи с Дженет Дент привидения немного поутихли, перестала разбиваться посуда и падать предметы, но звонки в дверь и странные звуки в пустых комнатах продолжают. Диана поведала нам, что две недели назад в "Белое сердце" приезжали специалисты по паранормальным явлениям. Они остались на ночь, расположили микрофоны в спальнях, на лестнице, в пабе и на специальном оборудовании записывали звуки, нарушающие ночную тишину дома. В конце этого месяца радио Линкольна будет делать программу о привидениях, живущих в пабе "Белое сердце" деревушки Ньютон-на-Тренте графства Линкольншир.

Было около одиннадцати ночи, когда мы вышли на улицу. Сев в машину, я бросила прощальный взгляд на небольшой домик, белеющий в темноте. На втором этаже в крошечном окошке загорелся теплый оранжевый свет.

Маленький уголок истории, хранящей страхи и переживания Чарльза I, сколько благородных рыцарей и простолюдинов нашли приют в этих стенах в промозглые, дождливые осенние вечера! Сколько веселых свадеб было сыграно в старом пабе, и сколько разбитых сердец покидало по утрам гостиничные номера! Счастье, трагедии, драмы — сколько всего повидал этот маленький дом за четыре столетия? Сколько тайн хранят его стены?

Я еще раз взглянула на "Белое сердце", сквозь рваную тучу голубоватый свет луны упал на темное окно, и мне показалось, что, чуть-чуть отодвинув занавеску, маленькая старушка в старомодной шляпке помахала мне рукой.

Сакселби, Линкольншир

Вера САРАНЦЕВА

Лужа

Возомнила лужа себя океаном. "Я океан! Я океан!" — с упоением повторяла лужа. Налетавший порой ветерок создавал видимость волн на поверхности лужи. И тогда она раздувалась от важности и выходила из своих берегов. Мальчишки сооружали из бумаги пароходики и прибегали к луже поиграть в океан. И наша лужа вновь раздувалась от чувства гордости и собственной значимости. "Глупые мальчишки, — думала лужа, — ведь они не понимают, что с океаном шутки плохи — недолго и до кораблекрушения".

Порой в ночное время кто-то случайно

вступал в лужу, пугаясь от неожиданности и бормоча при этом: "Да тут целый океан!" — что приводило лужу в неопикуемый восторг. "То-то же, — думала она, — с океаном на "ты" не получится".

В теплые весенние дни к луже прилетали воробьи на водопой и весело бултыхались в прохладной воде. "Пейте, пейте из меня воду, — снисходительно думала лужа, — в океане вода неиссякаема".

Наступило лето. Палящие лучи солнышка за несколько дней иссушили лужу, на месте которой не осталось и капли воды.

Лада ПРОКОПОВИЧ

ОЛОВЯННЫЕ СОЛДАТИКИ

Редактор газеты "Всемирные одесские новости" позвонил мне как раз в тот момент, когда я переставляла оловянных солдатиков. Эта небольшая коллекция стоит на книжной полке. Вытаскивая книгу "Похождения бравого солдата Швейка", я задела гусара, сидящего на лошади. Пытаясь правой рукой усадить гусара обратно в седло, левой я держала телефон и слушала Евгения Михайловича.

— На днях выходит очередной номер газеты, — говорил он, — и если у вас есть рассказ ко Дню Победы, вы можете успеть поместить его в этом номере.

— Да нет, — с сожалением сказала я. — На эту тему я ничего не пишу. Что я могу добавить к тому, что уже сказано и написано о той войне?..

Мы еще немного поговорили, и я вернулась к своим солдатикам. Усадив, наконец, гусара на лошадь, поправив ему кивер, я вдруг заметила, что среди воинов разных эпох стоят фашисты. Два немецких офицера и один солдат. Я совсем забыла об их существовании... Лет десять назад нам их подарил друг. Не подарил даже, а просто оставил как образцы продукции его фирмы. "Сейчас они пользуются бешеным спросом", — заметил он. "А Советская Армия?" — спросила я. "Чуть меньше, — последовал ответ. — У них форма не такая эффектная".

Как лезвием полоснуло по уху "у них"... Но я ничего не сказала. И не стала спорить с конъюнктурой рынка, а взяла и поставила подарочных вояк в самый темный угол полки. Пускай там сверкают своими автоматами и начищенными сапогами.

И вот сегодня они все-таки попались мне на глаза. Только что-то не больно эффектно они сегодня сверкают... Я пригляделась и увидела на них толстый мохнатый слой пыли. "Пыль веков", — пронеслось в голове. Но что-то мешало принять эту формулу... Нет, не веков... Это — пыль возмездия. Ведь на других-то воинах — воинах-защитниках — ни пылинки!

Господи! Если бы можно было любую войну припорошить пылью! Припорошить в самом ее начале, в зародыше, когда она только вызывает в мозгах очередных алчных безумцев... Смах Вольтера погасил костры инквизиции. Может быть, когда-нибудь и войны будут погашены смехом солдата Швейка и пылью с моих оловянных солдатиков... Во всяком случае, мы со Швейком будем стараться!

Ольга ПОЧТАРЕНКО

Не ищи ты меня в полутьме,
Я всей правды тебе не скажу,
Лишь три строчки оставлю в письме,
Я его на буфет положу

И пусть капли слетают с щеки,
Слишком поздно горюешь, забрось.
Заплели пауки узелки,
Значит, вечно мы жить будем врозь.

И поеду гулять по весне
В те края, где не встретишь меня.
Приходи ко мне лучше во сне
На закате весеннего дня.

Пусть гитары порвется струна,
Зазвонит под аккорд тишины,
Уезжаю, прощай, старина,
И себя ни в чем зря не вини.

Николай ШАПАРЕВ

Ворчунки

В рассуждениях умных этих,
несомненно, есть банальность:
Раз признали бесконечность,
быть должна и безначальность.

***

Печать объяли мутные туманы.
В них колдуны, гадалки и шаманы.

***

Прекраснобедрая, мила ты, просто страх,
И в черной юбке, и в тугих штанах.

Красиво пеликан парил,
но всем вдруг стало жарко,
И каждый небеса молил,
чтоб не было подарка.

***

Что ж, старомоден я, не очень актуален:
Одну лишь букву "н" пишу я в слове Таллин.

Чувствителен подчас укол простой иглой,
Но памятной всегда боль от иглы тупой.

***

Ни дня без строчки! Что одна строка?
Скажу смелей: Ни дня без ворчунка!

Матерый матершинник,
коварный Губерман
В концерте сделал даму
всю красной без румян.

***

Ворчанье — золото, кто в этом усомнится?
Готов всегда ворчать, когда ворчитесь.

У зависти лицо прискорбно и печально,
На всех и на себя в обиде изначально.

***

Все едят ее глазами, все дышанье затаили:
Выступает перед нами Нина Ананишвили.

С Плетнёвым Спиваков
2-ой Концерт играли
Чайковского
в совсем замороженном зале.

***

В неделю раза два, признаюсь по секрету,
Наркотики я пью: читать берусь газету.

возчиков. Здесь останавливались кареты, и путники могли отдохнуть, чтобы с новыми силами отправиться в путь. В подвале этого дома преданные английскому престолу люди прятали короля Чарльза I от солдат Оливера Кромвеля. Об этом нам поведал хозяин "Белого сердца" Питер Хогдан.

Итак, мы сидели в уютном баре, в мягких кожаных креслах, попивая кто вино, кто пиво, кто кофе, беседовали с Питером в ожидании, когда нас пригласят к ужину.

Ресторан от бара был отделен огромным старинным камином, потемневшим от времени, с замысловатой чугунной решеткой. На просмоленном деревянном выступе тускло мерцали медные бляхи с изображением всевозможных гербов, птиц и животных, которыми в Англии традиционно по праздникам украшали конскую сбрую. Сухие букетики полевых цветов, фарфоровые фигурки, старые куклы, пивные кружки, всевозможные колокольчики — все это висело, стояло, лежало на камине, придавая ему вид старого антикварного магазина.

Через несколько минут из-за камина выплыла хозяйка и пригласила нас пройти в ресторан. Обогнув камин, мы оказались в зале, разделенном на две части аркой из разноцветного кирпича. Тусклые светильники, мягко освещающие столы и стулья с высокими резными спинками, рисовали загадочные тени на стенах, увешанных маленькими картинками и фотографиями. В арке друг напротив друга висели два овальных зеркала с прикрепленными к основанию подсвечниками. Пламя свечей, отражаясь в зеркалах, придавало залу таинственный и мистический вид. Нас пригласили к столу, над которым на веревке болталась какая-то кукла.

Изрядно проголодавшись, мы с удовольствием принялись за ужин. Зазвенели хрустальным звоном бокалы, фарфор откликнулся на торопливое прикосновение вилок и ножей. В этот же момент над нашими головами раздался отвратительный хохот. Я взглянула вверх, — хохотала кукла. Кукла представляла собой ведьму на метле, с мерзкой гримасой на зеленом лице, с пшеничными волосами. На ней был надет черно-изумрудный парчовый плащ и такой же колпак с волнистыми полями. Эта игрушка реагировала на звон посуды сатанинским смехом. Мы, как дети, наперебей начали колотить вилками по тарелкам — ведьма отвечала нам леденящим душу хохотом.

Подожел Питер, поинтересовался, доволны ли мы ужином. "О! — засмеялся Пол. — Эта ведьма у вас, как привидение". "Привидение? — оживился хозяин. — Но у нас в "Белом сердце" действительно живут привидения. Я позову сейчас жену, она вам лучше расскажет об этом, чем я. Диана! — крикнул Питер. — Иди сюда, расскажи, пожалуйста, о наших привидениях".

Двери распахнулись, и из кухни выпорхнула Диана. Набрав полную грудь воздуха и придав лицу таинственное выражение, она начала говорить без запинки, как человек, который в сотый раз рассказывает одну и ту же историю.

Паб "Белое сердце" слыл беспокойным местом с давних времен. Питер и Диана приобрели этот дом четыре года назад, и старые хозяева предупредили их, что в доме живут привидения — три пожилые леди, которые на протяжении многих лет время от времени являются на светлые

очи посетителей паба. Старушки имеют нрав весьма шаловливый и причиняют немало беспокойства хозяевам дома. Став владельцами "Белого сердца", супруги Хогдан смогли убедиться в этом сполна. Периодически в доме начинают твориться беспорядки — чистые стаканы падают с полок, бокалы с пивом ездят по столу, в зале ресторана вдруг одна за другой начинают гаснуть только что зажженные свечи, раздаются звонки в дверь — а за дверью никого, в пустых комнатах по ночам скрипят половицы.

Однажды хозяева пригласили в "Белое сердце" миссис Дженет Дент, почтенную даму, пользующуюся большим уважением в кругу медиумов. Когда ушли последние посетители, паб закрыли, и за стол в ресторане сели семь человек: миссис Дент, Питер, Диана, пара близких друзей и прислуга. Ровно в полночь спиритический сеанс начался. Старушка вошла в транс, стол затрясся, и лежавшие на нем предметы закружились по часовой стрелке. Внезапно ледяной ветер пронесся по залу, пламя свечей задергалось в дикой пляске, и миссис Дент вошла в контакт с призраками. Как оказалось, привидений было не три, а четыре. Помимо трех милых старушек существовал еще некий злой и неприветливый пожилой мужчина. На вопрос медиума, кто он такой, старик ответил, что его зовут Закарайя, и он умер от туберкулеза. Миссис Дент сообщила этой призрачной компании, что пришла помочь им вернуться в их мир и перестать маяться на брэнной земле, на что Закарайя категорически заявил: "Я не хочу уходить, мне нравится здесь". Старые леди скромно промолчали.

После встречи с Дженет Дент привидения немного поутихли, перестала разбиваться посуда и падать предметы, но звонки в дверь и странные звуки в пустых комнатах продолжают. Диана поведала нам, что две недели назад в "Белое сердце" приезжали специалисты по паранормальным явлениям. Они остались на ночь, расположили микрофоны в спальнях, на лестнице, в пабе и на специальном оборудовании записывали звуки, нарушающие ночную тишину дома. В конце этого месяца радио Линкольна будет делать программу о привидениях, живущих в пабе "Белое сердце" деревушки Ньютон-на-Тренте графства Линкольншир.

Было около одиннадцати ночи, когда мы вышли на улицу. Сев в машину, я бросила прощальный взгляд на небольшой домик, белеющий в темноте. На втором этаже в крошечном окошке загорелся теплый оранжевый свет.

Маленький уголок истории, хранящей страхи и переживания Чарльза I, сколько благородных рыцарей и простолюдинов нашли приют в этих стенах в промозглые, дождливые осенние вечера! Сколько веселых свадеб было сыграно в старом пабе, и сколько разбитых сердец покидало по утрам гостиничные номера! Счастье, трагедии, драмы — сколько всего повидал этот маленький дом за четыре столетия? Сколько тайн хранят его стены?

Я еще раз взглянула на "Белое сердце", сквозь рваную тучу голубоватый свет луны упал на темное окно, и мне показалось, что, чуть-чуть отодвинув занавеску, маленькая старушка в старомодной шляпке помахала мне рукой.

Сакселби, Линкольншир

Вера САРАНЦЕВА

Лужа

Возомнила лужа себя океаном. "Я океан! Я океан!" — с упоением повторяла лужа. Налетавший порой ветерок создавал видимость волн на поверхности лужи. И тогда она раздувалась от важности и выходила из своих берегов. Мальчишки сооружали из бумаги пароходики и прибегали к луже поиграть в океан. И наша лужа вновь раздувалась от чувства гордости и собственной значимости. "Глупые мальчишки, — думала лужа, — ведь они не понимают, что с океаном шутки плохи — недолго и до кораблекрушения".

Порой в ночное время кто-то случайно

вступал в лужу, пугаясь от неожиданности и бормоча при этом: "Да тут целый океан!" — что приводило лужу в неопикуемый восторг. "То-то же, — думала она, — с океаном на "ты" не получится".

В теплые весенние дни к луже прилетали воробьи на водопой и весело бултыхались в прохладной воде. "Пейте, пейте из меня воду, — снисходительно думала лужа, — в океане вода неиссякаема".

Наступило лето. Палящие лучи солнышка за несколько дней иссушили лужу, на месте которой не осталось и капли воды.

Лада ПРОКОПОВИЧ
ОЛОВЯННЫЕ СОЛДАТИКИ

Редактор газеты "Всемирные одесские новости" позвонил мне как раз в тот момент, когда я переставляла оловянных солдатиков. Эта небольшая коллекция стоит на книжной полке. Вытаскивая книгу "Похождения бравого солдата Швейка", я задела гусара, сидящего на лошади. Пытаясь правой рукой усадить гусара обратно в седло, левой я держала телефон и слушала Евгения Михайловича.

— На днях выходит очередной номер газеты, — говорил он, — и если у вас есть рассказ ко Дню Победы, вы можете успеть поместить его в этом номере.

— Да нет, — с сожалением сказала я. — На эту тему я ничего не пишу. Что я могу добавить к тому, что уже сказано и написано о той войне?..

Мы еще немного поговорили, и я вернулась к своим солдатикам. Усадив, наконец, гусара на лошадь, поправив ему кивер, я вдруг заметила, что среди воинов разных эпох стоят фашисты. Два немецких офицера и один солдат. Я совсем забыла об их существовании... Лет десять назад нам их подарил друг. Не подарил даже, а просто оставил как образцы продукции его фирмы. "Сейчас они пользуются бешеным спросом", — заметил он. "А Советская Армия?" — спросила я. "Чуть меньше, — последовал ответ. — У них форма не такая эффектная".

Как лезвием полоснуло по уху "у них"... Но я ничего не сказала. И не стала спорить с конъюнктурой рынка, а взяла и поставила подарочных вояк в самый темный угол полки. Пускай там сверкают своими автоматами и начищенными сапогами.

И вот сегодня они все-таки попались мне на глаза. Только что-то не больно эффектно они сегодня сверкают... Я пригляделась и увидела на них толстый мохнатый слой пыли. "Пыль веков", — пронеслось в голове. Но что-то мешало принять эту формулу... Нет, не веков... Это — пыль возмездия. Ведь на других-то воинах — воинах-защитниках — ни пылинки!

Господи! Если бы можно было любую войну припорошить пылью! Припорошить в самом ее начале, в зародыше, когда она только вызывает в мозгах очередных алчных безумцев... Смах Вольтера погасил костры инквизиции. Может быть, когда-нибудь и войны будут погашены смехом солдата Швейка и пылью с моих оловянных солдатиков... Во всяком случае, мы со Швейком будем стараться!

Ольга ПОЧТАРЕНКО

Не ищи ты меня в полутьме,
Я всей правды тебе не скажу,
Лишь три строчки оставлю в письме,
Я его на буфет положу

И пусть капли слетают с щеки,
Слишком поздно горюешь, забрось.
Заплели пауки узелки,
Значит, вечно мы жить будем врозь.

И поеду гулять по весне
В те края, где не встретишь меня.
Приходи ко мне лучше во сне
На закате весеннего дня.

Пусть гитары порвется струна,
Зазвонит под аккорд тишины,
Уезжаю, прощай, старина,
И себя ни в чем зря не вини.

Николай ШАПАРЕВ
Ворчунки

В рассуждениях умных этих,
несомненно, есть банальность:
Раз признали бесконечность,
быть должна и безначальность.

***

Печать объяли мутные туманы.
В них колдуны, гадалки и шаманы.

***

Прекраснобедрая, мила ты, просто страх,
И в черной юбке, и в тугих штанах.

Красиво пеликан парил,
но всем вдруг стало жарко,
И каждый небеса молил,
чтоб не было подарка.

***

Что ж, старомоден я, не очень актуален:
Одну лишь букву "н" пишу я в слове Таллин.

Чувствителен подчас укол простой иглой,
Но памятной всегда боль от иглы тупой.

***

Ни дня без строчки! Что одна строка?
Скажу смелей: Ни дня без ворчунка!

Матерый матершинник,
коварный Губерман
В концерте сделал даму
всю красной без румян.

***

Ворчанье — золото, кто в этом усомнится?
Готов всегда ворчать, когда ворчитесь.

У зависти лицо прискорбно и печально,
На всех и на себя в обиде изначально.

***

Все едят ее глазами, все дышанье затаили:
Выступает перед нами Нина Ананишвили.

С Плетнёвым Спиваков
2-ой Концерт играли
Чайковского
в совсем замороженном зале.

В неделю раза два, признаюсь по секрету,
Наркотики я пью: читать берусь газету.

Олег ГУБАРЬ

КАКАЯ ИЗ ОДЕССКИХ ПУШЕК САМАЯ ЗНАМЕНИТАЯ?

Первое, что приходит на ум, — та самая пушка с парохода-фрегата "Тигр", что еще в 1904 году в ознаменование 50-летия бомбардирования Одессы союзным флотом водружена на постамент близ думского здания. Орудие это всегда на виду, его не обходит стороной ни одна экскурсия. Да и сам второстепенный, в общем-то, эпизод Крымской кампании у нас возведен в событие чуть ли не эпохальное. Хотя на самом деле тогда, в далеком апреле 1854-го, никто всерьез не собирался атаковать, а тем более завоевывать Южную Пальмиру. Ловкий маневр англо-французского флота был именно что отвлекающим, маскирующим истинные намерения и направление главного удара неприятеля, нацеленного на Тавриду, и он вполне удался.

Хотя союзники и сделали все возможное, чтобы привести захваченный россиянами трофей в полную неисправность, — как известно, они интенсивно обстреляли севший на подводную каменную гряду "Тигр", — тем не менее, вскоре с него удалось поднять около двух десятков вполне исправных орудий. "Две бомбические пушки "Тигра", — свидетельствует современник, — перетащили на батарею, которую построил на свой счет Джиджи (Осип) Мокко (...) в конце Канатной улицы". Этот итальянец был лодочником: перевозил пассажиров с судов на берег; оказывал помощь терпящим бедствие на море, как бы служа паллиативом спасательной станции. Одна из английских пушек в ходе апробирования разорвалась, а другая долго оставалась в пределах "частной батареи". Прошли годы, об этом орудии вспомнили, разыскали, отреставрировали и установили на бульваре. Мало того, водолазы снова обследовали место гибели "Тигра" и подняли со дна несколько подходящих для экспонирования ядер.

Правда, эта бульварная пушка и затопленный "Тигр" снова привлекли к себе внимание в "смутное время". Вероятно, по той причине, что в городе тогда объявился союзный флот. В это самое время, в 1919-м, бытописатель А.М. де Рибас, внучатый племянник знаменитого адмирала, опубликовал в местной газете статью "Англичане в Одессе", напоминающую современникам старую историю о взятии "Тигра", пребывании его команды в городе, невероятном радушии, оказанном одесситами плененным противникам. Текст этот завершается поистине курьезным пассажем: "Право, было бы своевременным, чтобы наш город устроил подобающее чествование гостям у нас сейчас английским морякам, и желательно, чтобы это чествование произошло возле той самой английской пушки... Полагаю, что в конце торжества историческая пушка должна быть предложена городом в дар англичанам как реликвия флота". Однако общественное благоразумие, судя по всему, восторжествовало, и мы с вами не лишились военного трофея и раритета.

Этим, однако, сюжет 1919 года не исчерпывается. Осенью того же года состоялась очередная попытка поднять паровые машины с затонувшего "Тигра". Как сообщается в "Одесском листке", была создана даже некая судоподъемная компания. Привлечены очаковские рыбаки, баржа и шаланды. Толстый слой ила сильно препятствовал водолазам работам. С немалым трудом все же были подняты снаряды, ядра и некоторые железные части, "сложенные на берегу дачи Трандафилова". Предпринимателям было не до реликвий, и весь добытый металл пошел в переплавку. Здесь же упоминается о прежних безрезультатных попытках, последняя из которых состоялась 10-12 лет тому назад, то есть в 1907-1909 годах. Напоминаю, что первую попытку поднять "Тигр" предпринял известный когда-то подрядчик К.И. Потапов, в свое время занимавшийся очисткой одесской гавани и извлекавший с морского дна порядка 200 потерянных там в разное время якорей, построивший эллинг на Платоновском молу и открывший лучшее заведение теплых морских ванн у подножия Бульварной (Потемкинской) лестницы.

Другие мемориальные одесские пушки много лет служили в порту причальными тумбами. О них тоже ходили разного рода легенды и предания старины глубокой, наподобие того, что их будто бы использовали буквально в ходе штурма крепости Ени-Дунья при Хаджибее. Реально же пушки эти доставлены из Севастополя в середине 1830-х по просьбе города: тогда после мощного шторма причалы порта получили значительные повреждения, а когда их восстанавливали, потребовались "палы для швартовки судов". В Крымскую войну этих "ветеранов" сняли с молов, дабы усилить мощь береговых батарей, что можно расценивать как курьез, а затем вернули назад.

Однажды эти "причальные тумбы" спасли жизнь нескольким горожанам, занимавшимся рыбной ловлей на оконечности Карантинного мола. Поздней осенью 1876 года разразилась катастрофическая буря, сопровождавшаяся мокрым снегом. Рыбаки даже не могли встать на ноги, ибо их сбивало ветром, и могло опрокинуть в море. Тогда они как-то ухитрились привязать себя снастями к старым орудиям и, обле-

деневшие, сидели всю ночь, уцепившись за стволы. Несчастных обнаружили только утром, и все для них закончилось благополучно.

Но наиболее, пожалуй, известный "пушечный сюжет" местного значения носит не столько героический, сколько анекдотический характер, и удостоился даже описания в опубликованном "Современником" романе "Полицмейстер Бунбеников". Историю эту читающей публике в свое время поведал литератор М.Б. Чистяков, посетивший Одессу в конце 1850-х, в книге "Из поездок по России". "На бульваре, — пишет он, — ежедневно в полдень стреляют из пушки, чтобы весь город мог в точности знать 12 часов; пушку ежедневно привозят на место и после выстрела опять увозят до следующего дня; прежде, бывало, она постоянно стояла на месте, но прониравшие евреи нашли, что из пушки можно понаделать кастрюль и тому подобных очень полезных в хозяйстве вещей, однажды взвалили ее на телегу и повезли; но казачьи лошади оказались проворнее волов; воров настигли, пушку отняли, а виновных наказали".

Из чего российский воякер заключил, что похитителями были именно евреи, неизвестно. Судя по ряду других радикальных пассажей в том же тексте, Чистякову ничего другого просто не могло прийти в его шовинистическую голову. Неясно также, отчего он решил, будто воров нагнали и наказали, а пушку отняли.

Куда больше достоин доверия видный одесский думец Иосиф Чижевич, современник означенных событий. "На бульваре, у подножия памятника Дюка де Ришелье, — свидетельствует он, — стояла медная сигнальная пушка. В одно прекрасное утро пушка оказалась уворованной. Несмотря на все старания полиции, пушка не была разыскана. Впоследствии узнали, что пушку распилили на куски и медь употребили в дело. Полиция и градоначальник были в отчаянии от этого скандала". А далее эпизод принимает поистине комический оттенок. Чижевич рассказывает, что некий содержащийся в одесском тюремном замке мазурик вызвался указать лично градоначальнику А.И. Казначееву свидетеля преступления, запросив при этом пять рублей наградных. "Казначеев согласился, — продолжает мемуарист, — и приказал полицеймейстеру отправиться вместе с арестантом туда, куда тот укажет. Арестант привел полицию на бульвар, и как на свидетеля указал на Дюка де Ришелье, у ног коего стояла пушка. Казначеев сначала очень разгневался, но потом расхохотался и выдал остроумному арестанту обещанные пять рублей". В другом первоисточнике упоминается о том, что в конце концов "удалось обнаружить лишь распиленные части пушки".

А как датировать описанные события? Полуценные выстрелы произошли в Одессе (в других городах ничего подобного не было) по окончании турецкой кампании 1828-1829 годов. Для этой цели граф М.С. Воронцов с высочайшего соизволения оставил одну пушку, взятую как военный трофей. А тайный советник Казначеев состоял градоначальником с декабря 1848 года по начало 1854-го. Следовательно, похищение пушки произошло где-то перед Крымской войной. Однако некоторые источники фиксируют тот факт, что таких сигнальных пушек было несколько, да и эпизод похищения, оказывается, отмечен не один.

Так, известный в свое время писатель-одессит Болеслав Маркевич повествует даже историю имитации похищения пушки светским шалопаем И.З. Посниковым, внуком "известного сановника Александровских времен Архарова". "Характера он (Посников. — О. Г.) был милейшего, ребячески добродушного, что имело какой-то особенно комический оттенок при его огромном росте и богатырском сложении... Воли никакой и пьяница жесточайший". По словам Маркевича, родственники спровадили его на перевоспитание к Воронцову, который принял Посникова с большим радушием. А тот тут же сошелся с вертопрахами из местного бомонда и принялся куролесить.

В то время как Посников ближе к обеду неохотно занимался канцелярскими делами, на бульваре ухала пушка, отчего, по его собственным словам, "в эту самую минуту барабанишки у меня в желудке начнут нещадно тревогу бить, есть-пить захочется смерть". И возымел он к этой пушке ненависть лютую, погубить ее, шельму, решил. Пушка эта, будто собака, сидела на цепи, привязанной к колу. Верзила Посников выдернул из земли кол, ухватился за эту цепь и потащил пушечку на двух ее колесах вдоль бульвара, в довольно-таки неухоженный садик при бирже и замаскировал в колючем кустарнике. Назавтра, едва сдерживая ухмылку, он узнал о похищении из уст самого полицмейстера А.А. Шостака, какой приобщи́л Посникова к следственным действиям по отысканию ценного военного трофея. Вдоволь насладившись результатом своей проделки, шалопа́й дня через два собственноручно поставил пушку на место, но "только жерлом не к

морю, а прямо направив его на лик бронзового Дюка: берегись, мол, неравно выпало!"

После очередного (?) похищения полуценных выстрелов довольно долго не производилось. "По-видимому, — пишет автор одного из старых путеводителей, — жители очень соскучились по пушке в начале 1880-х годов, город возбудил вопрос о приобретении пушки, о чем даже велись переговоры с керченской крепостью". Уточняя это свидетельство, можно заметить, что дата совпадает со временем окончания очередной русско-турецкой войны и, разумеется, явлением очередных трофейных орудий. Как раз тогда временным военным губернатором в Одессе был генерал от кавалерии И.В. Гурко, один из замечательных полководцев этой войны. Авторитет боевого генерала и решил дело: 30 июля 1882 года в соответствии с высочайшим соизволением городу было передано медное девятифунтовое орудие — из числа отбитых у турков самим Гурко. А далее пушку уже только вывозили для полуценных выстрелов, а в остальное время она помещалась под надежной охраной.

В конце 1880-х зафиксирован эпизод, который можно типизировать как археологический. На задворках Городской больницы в ходе земляных работ под замощение, по достоверной информации местной газеты, были "найлены три куса, составляющие вместе продольную половину большого калибра крепостной пушки; по некоторым признакам эту пушку определенно относят к очень давнему времени". Историки задумались тогда, не имеет ли оно старинное орудие какое-либо касательство к предшественникам Одессы. Могу прибавить, что и в самом деле имеются основания предполагать наличие именно на этом месте некоего укрепления, относящегося к эпохе, не исключено, даже польско-литовского Качибей. Так, во время строительства самой больницы в начале XIX столетия использовались значительных размеров блоки добытого здесь же известняка — похоже, от разборки какого-то предшествовавшего оборонительного сооружения.

Вы думаете, это все пушечные сюжеты? Нет. Самый вкусный, свежий, с пылу с жару, я прибегаю к напоследок. Буквально пару месяцев назад производители земляных работ на проспекте Шевченко, близости от Дворца спорта, люди бывалые, но и те были несказанно удивлены необычной находкой. Григорий Анатольевич Кучинский, бульдозерист с 20-летним стажем, подцепил на глубине 2,5 метров небольшую чужиную корабельную пушечку, изготовленную не позднее начала XIX столетия. Здесь уместно сказать несколько слов, связанных с историей отливки орудий и, следовательно, их датировкой.

В XIX столетии на вооружении российской армии имелись лишь чугунные и бронзовые пушки. К середине века бронзовые гладкостельные орудия при 50-процентном попадании стреляли картечью и ядрами на дистанции не более 300-400 сажень. Крепостная и осадная артиллерия применяла 18-, 24- и 36-фунтовые чугунные пушки, стрелявшие чугунными же сферическими снарядами лишь на 350 сажень. Первая попытка отливки стальной пушки была предпринята видным российским металлургом П.П. Аносовым в 1836 году, но правительственной поддержки он тогда не получил. Его дело продолжил в Германии небезызвестный Крупп, отливший свою первую трехфунтовую стальную пушку в 1847-м. В 1851-м, на Лондонской выставке, он продемонстрировал уже шестифунтовое орудие, а в 1854-м изготовил и 12-фунтовое. Первые русские стальные пушки П.М. Обухова испытаны лишь в 1860-1861 годах.

Найденная в котловане чугунная пушечка — типологическое орудие, использовавшееся на флоте в первые десятилетия позапрошлого века. При осмотре стало очевидным, что в прежние времена она была примерно наполовину врыта в землю или вмонтирована в цемент, то есть использовалась в декоративных целях. Самое занятное, что в жерле ствола оказалась специально заложенная туда старинная винная бутылка зеленого стекла с длинной "шеей", то есть те, кто эту пушку устанавливал, совершили некий ритуал возлияния. И в этой истории нет ничего необычного: пушки жаловали не только городам, но и военным героям. Общеизвестно, например, что две пушки были пожалованы заслуженному солдату графу А.Ф. Ланжерону и вмонтированы по обе стороны ворот его дома. И кстати о возлиянии, Константин Аполлонович Скальковский, сын знаменитого одесского историка, иронизировал по этому поводу: "Недалеко от нашей гимназии находился дом графа Ланжерона, у ворот которого стояли две французские пушки, пожалованные Александром I. В доме проживала престарелая вдова графа, русская по происхождению, Пушина. Она пила мертвую чашу и, напившись, иногда садилась на одну из пушек и кричала благим матом". Елисавета Адольфовна Бриммер, конечно, не была русской, но пила вполне по-русски, а путаница вышла из-за того, что ее родная сестра Генриетта в замужестве носила фамилию Пушина и жила

вблизи. Имитированные орудия и по сию пору встречаются у старых одесских подворотен, а служили они не только для декоративных, но и для вполне утилитарных целей: чтобы въезжающий во двор гужевой транспорт не разбивал ворота.

Хорошо, но кому эта пушка принадлежала, как оказалась на месте находки, что стоит за церемонией ее установки на данном участке? Честно говоря, поначалу мной овладел вопрос: а не одна ли эта из похищенных в прежние времена "полуценных пушек"? Это соображение подкрепляется, во-первых, тем соображением, что по своим габаритам она вполне могла использоваться как сигнальная. Во-вторых, территория, лежавшая за старым ботаническим садом, между будущими Французским бульваром, Аркадией и Малофонтанской дорогой, с давних пор служила местом, где мазурики, скажем, "рас-тырбанивали слам" (делили добычу), потрошили уворованные несгораемые шкафы, кассы и т. п. — в старой периодике имеется на то великое множество указаний. Впрочем, во всех первоисточниках говорится о том, что бульварная сигнальная пушка была медной (вероятно, все-таки бронзовой), и этот аргумент не в пользу данной версии.

Тогда я пошел другим путем, а именно изучил давние планы этой местности и вынес их на современную топографическую основу. И вот что оказалось. Первый участок по дороге от площади 10 Апреля в направлении Дворца спорта, по сути, весь позапрошлый век принадлежал купеческому семейству Маразли — сперва Григорию Ивановичу, а затем его знаменитому сыну, Григорию Григорьевичу. Протяженность этого участка вдоль улицы составляет примерно 215 метров, порядка 100 сажень. Следующими за ним участками владели другие крупные греческие негодянты — Родоканаки, Папудовы, Маврокордато. Так вот, пушечку нашу отыскали на границе владений Маразли и Родоканаки, что, как мне представляется, многое поясняет.

Все перечисленные особы активно занимались хлебным экспортом еще в первые десятилетия позапрошлого столетия. В связи с этим они занимались регулярными морскими перевозками. Возможно, кого-то сегодня поразит тот факт, что тогда вовсю процветал морской разбой, а в периоды военных действий и каперство. Известно, например, что во время военных действий негодянты даже испрашивали у Ришелье патентов на крейсерство, чтобы вредить французам. А потому на большинстве торговых судов имелись пушки, причем, как правило, по несколько штук. Разумеется, на каких-нибудь легких коммерческих бригах эти орудия не могли быть большими, однако и они оказывались довольно эффективными в сражениях с такими же малотонажными пиратскими судами.

Подобные столкновения были отнюдь не редкими даже во времена Воронцова, не говоря уже о более отдаленных. В одной из своих книжек я рассказывал о нападении средиземноморских пиратов на караван российских судов в сентябре 1827 года вблизи острова Хиос. Поначалу корсарами удалось даже захватить одно из судов, но затем оно было отбито с помощью пушек, причем палили сначала картечью, а затем ядрами. Шкипер "Графини Воронцовой", опытный морской волк Иосиф Силич, отогнал пиратскую бригагину, за что по представлению Воронцова получил медаль "За усердие" на Владимирской ленте.

Как было сказано, суда, обслуживавшие Маразли, Родоканаки, Папудова и других хлеботорговцев, были снабжены именно такими орудиями, каковое и обнаружилось в котловане. Что может означать установка на дачном участке отслужившей свой срок пушки, сопровождавшаяся распитием дорогого вина? Вероятно, это либо память о списанном судне, обогатившем своего хозяина, либо о конкретной морской виктории. Не исключено, что это некий фетиш, семейная реликвия, знак, установленный Г.Г. Маразли в память об отце (1770-1853), составившем состояние как раз морской коммерцией. Как знать, возможно, эта пушка когда-то спасла им жизнь или же входила в оснащение первого принадлежавшего семейству судна. Эта же версия один к одному проецируется на отца и сына Родоканаки — Федора и Перикла. Понимаю, что всё это вещи чисто умозрительные, однако, согласитесь, весьма вероятные.

А что же будет с этой мемориальной пушкой? — спросит читатель. Сохранится ли она? Будет ли выставлена для всеобщего обозрения? К счастью, этой пушечке сильно повезло. Доброе дело восстановления и реставрации, вплоть до лафета, взяло на себя семейство известных одесских архитекторов Повстанюков. Приведенная в полный боевой порядок, пушка будет общедоступно экспонироваться, так что всякий желающий одессит сможет в прямом и переносном смысле прикоснуться к истории города. Впрочем, и надзор за этой реликвией тоже будет надлежать, дабы не повторились казусные истории 150-летней давности, подобные похищению бульварной полуценной пушки.

А как же пушки, много лет прослужившие причальными тумбами в Военной гавани? Какова их судьба? В самое последнее время устроена и она. Благодаря подвижничеству директора парка имени Т.Г. Шевченко, создателя Сада скульптур при Литературном музее Леонида Липтуги, старинные орудия эти будут тоже отреставрированы и выставлены у стены старого портового карантана, на территории, некогда занимавшейся Одесской крепостью, что, конечно, символично.

Роман БРОДАВКО

Душа, способная постигать

В 1938 году на приемные экзамены в Киевскую студию киноактера приехал ладный семнадцатилетний паренек из Одессы. Конкурсные испытания проходили в несколько туров, последним из которых была кинопроба. Благополучно выйдя в финал (а конкурс был — несколько десятков человек на место), Генрих Осташевский, страдавший болезнью глаз, не выдержал мощного потока света, направленного на съемочную площадку и, говоря языком спортивных комментаторов, сошел с дистанции. Председатель приемной комиссии, вручая абитуриенту кинолентку, вещественное доказательство его фиаско, сказал на прощание:

— К сожалению, мы не можем взять вас в кино, но вы, несомненно, обладаете актерским дарованием. Не теряйте времени — учитесь!

И в том же тридцать восьмом Г. Осташевский поступил в Одесское театральное училище. Однако закончить его ему не удалось — началась Великая Отечественная война. В армию Осташевский призван не был все по той же причине — болезни глаз. Он остался в оккупированной Одессе.

Перед войной двадцатилетний Генрих Романович женился. Когда в город вошли немецко-румынские захватчики, началась трагедия для оставшихся в нем евреев. Массовые аресты, казни, колонны несчастных, которых отправляли в гетто — в Богдановку, Доманевку... Для Осташевского, детства и юности которого прошли в центре Одессы, на Привилантской, который в своем дворе, на улице, в школе общался, учился, дружил с людьми разных национальностей, расовая политика фашистов была дикостью. Смириться с ней он не мог. В это роковое время она коснулась и его семьи: жену с ее родителями и близкими угнали в гетто.

Генрих Романович не любил рассказывать, как он поддерживал семью жены в неволе, как спас ее из фашистского ада. Но главное — ему удалось это сделать. И теперь на Аллее праведников мира в Прохоровском сквере янестся к солнцу дерево, посаженное в его честь, а его имя навсегда в списке тех, кто для людей всей планеты олицетворяет Человечность.

Чем только не приходилось заниматься Осташевскому в годы войны, чтобы заработать на жизнь! Он рассказывал однажды, как возил соль куда-то в Винницкую область. Дело было по тем временам выгодным, однако опасным: румынские власти запрещали такую коммерцию. Однажды уже на самом подъезде к месту, где Генриха Романовича ожидал человек, который должен был принимать товар, в вагон вошел румынский патруль и полиция. Оставив мешки в вагоне, Осташевский на ходу прыгнул с поезда и пошел пешком. На пути оказалось местечко, каких было много на Подолье. Он долго думал, заходить в него или не заходить, наконец, решился... То, что Генрих Романович увидел там, было настоящим адом. На улицах лежали обезображенные трупы стариков, женщин и детей, тлели сожженные постройки, метались уцелевшие животные... Как

М. Пресич, Г. Осташевский в сцене из спектакля

выяснилось потом, этот погром был делом рук отступавших власовцев...

В годы войны познавалась дружба. У Генриха Романовича был друг, с которым они прошли по жизни не одно десятилетие. Это Юлий Иванович Божек, блестящий актер и милейший и скромнейший человек. Близость этих людей была поистине братской. Осташевский много рассказывал мне, насколько безотказен был Юлий Иванович, когда в годы войны шла речь о спасении человеческих жизней, сколько доброго сделал он для людей, которые нуждались в помощи и поддержке.

Буквально на следующий день после освобождения Одессы Осташевский и Божек пришли в Театр юного зрителя и были приняты в труппу. В послевоенном ТЮЗе шла мировая и отечественная классика, произведения современных драматургов, пьесы-сказки. Генрих Романович переиграл множество ролей героического и комедийного плана. С чувством глубокой благодарности вспоминал он главного режиссера ТЮЗа Николая Васильевича Зайцева. Этот талантливый, многоопытный, тактичный и чуткий человек во многом помог ему раскрыться как актеру, способствовал его творческому росту. Многие дало Осташевскому и общение с одаренным режиссером Абрамом Рубиным.

В каждом периоде жизни у ведущего актера театра есть роль, которая становится для него этапной. Для Осташевского в период его работы в

ТЮЗе такой стала роль Алексея в "Оптимистической трагедии" Всеволода Вишневского. Спектакль, поставленный Н. Орловым и Б. Мошанским, стал заметным явлением в театральной жизни Одессы, в первую очередь, благодаря ярким сценическим образам, созданным Н. Батуриной (Комиссар) и Г. Осташевским.

После "Оптимистической трагедии" Генриха Романовича пригласили на одну из центральных ролей в кинофильме "Якби каміння говорило..."

— В пятидесятые кинотехника стала иной, более "щадящей" для актера, и это позволило мне сниматься, — рассказывал Г. Осташевский.

После удачного кинодебюта последовали роли в фильмах "Гроза над полями", "Ключи от неба", "Голубая стрела" и многих других.

Давно известно, что для каждого актера чрезвычайно важны встречи с режиссерами, которые способны в полной мере оценить масштабы их исполнительского дарования. В этом отношении Генриху Романовичу, безусловно, везло. После Николая Зайцева судьба надолго связала его с Наумом Орловым. В 1958 году вместе с Наумом Юрьевичем Осташевский переходит в Украинский театр и дебютирует там в роли Илько в "Патетической сонате" М. Кулиша. Сам факт постановки пьесы этого выдающегося украинского драматурга, репрессированного в тридцатые годы, стал важ-

ным событием в культурной жизни страны. Одесский спектакль был первым, прорвавшим пелену официального забвения Мыколы Кулиша в СССР. Рассказывают, что лицо, осуществлявшее в те годы цензуру, не разобралось и перепутало "Патетическую сонату" с пьесой Н. Погодина "Третья, патетическая", где центральным действующим лицом является Ленин. Так ли это было в действительности, неизвестно. Тем не менее, премьера в Украинском театре состоялась и открыла городу и стране яркого режиссера и талантливого актера, входившего тогда в пору творческой зрелости.

Следующим пиком своей актерской биографии Генрих Романович считал роль Прохора Громова в инсценировке известного романа В. Шишкова "Угрюм-река". Первым на язык театра это произведение переложил выдающийся украинский режиссер В.С. Василько, создав яркую социально-психологическую драму. "Угрюм-река" стала последней постановкой Василия Степановича и, словно, предчувствуя это, он вложил в эту работу всю мощь своего режиссерского таланта. Будучи школьником, я имел счастливую возможность присутствовать на репетициях этого спектакля и видеть, как работает Мастер с актерами. На роль Прохора Громова было назначено два исполнителя — Ярослав Геляс и Генрих Осташевский. При единой режиссерской задаче они создавали характеры, которые во многом отличались друг от друга. Прохор Я. Геляса был более жестким, безжалостным, прагматичным, в то время как в Прохоре Осташевского то и дело вспыхивали не затоптанные жадной наживы и власти огоньки человечности. Порой его герой даже вызывал сострадание. Так случилось, что Я. Геляс вскоре ушел в другой театр, и роль Прохора с неизменным успехом исполнял только Генрих Романович.

Для Осташевского работа с В.С. Василько стала не просто школой мастерства. Она ознаменовала качественно новый этап в его творческой жизни. Точнее стал отбор средств выразительности, глубже психологические характеристики, острее взгляд на философские и социальные проблемы. В каждом из героев Осташевского стало больше интересоваться проявление глубинных качеств личности — будь то Джильтберт в "Марии Тюдор" В. Гюго, Гирей в "Марусе Богуславке" М. Старицкого, Коррадо в "Семье преступника" П. Джакометти. С Василько Генриха Романовича связывали дружеские отношения вплоть до кончины Василия Степановича.

Яркие образы создал Осташевский в спектаклях, поставленных режиссером Брониславом Мешкисом. Смик в "97" по пьесе М. Кулиша, Шуйский в "Борисе Годунове" Пушкина, Батарцев в "Протоколе одного заседания" А. Гельмана... Разные образы, разные эпохи, разные проблемы. Сопоставимы эти герои в одном: психологической точностью созданных актером характеров. Интересной была роль Дона Корлеоне в спектакле режиссера Игоря Равицкого по известному роману М. Пьюзо "Крестный отец". Жесткий глава мафии

— и любящий отец; хищник, бесцеремонно распоряжающийся судьбами многих людей, — и глубоко несчастный человек... Осташевский строил этот многогранный образ на контрастах и добивался высокой убедительности.

Этапной для себя работой Генрих Романович считал роль Мультика в спектакле "Вечер" по пьесе А. Дударева в постановке Бориса Зайденберга. Вечерний свет жизни неяркий, зато он освещает самые сокровенные уголки души. Благодаря ему становится видно, что хорошего совершил человек, пройдя большую часть жизненного пути, что он оставит потомкам. Герой Осташевского прост и мудр. Он любит людей, стремится делать добро, ничего не требуя взамен. И хотя его старость, как старость других односельчан, одинока, и жить приходится в основном воспоминаниями, Мультик понимает, что прожил свою нелегкую жизнь сельского труженика не зря.

Генрих Романович был на редкость спокойным, неконфликтным человеком. Однако это вовсе не означало, что у него не было своей точки зрения на те проблемы, которые приходилось решать театру в разные годы. К его мнению прислушивались, его уважали, им гордились. Свыше сорока лет проработал Осташевский в Одесском украинском театре, который теперь носит имя Василия Василько. Стендаль писал: "Заслугой актера, так же, как и поэта, является душа, способная постигать". Такой душой обладал Генрих Осташевский. За это его любили многочисленные зрители и уважали партнеры по сцене.

Ровно через два месяца после своего восьмидесятилетия, которое отмечалось в 2001 году, Генрих Романович, как обычно, принимал участие в заседании правления Одесского межобластного отделения Национального союза театральных деятелей Украины, членом которого был многие годы. После окончания заседания он попросил нескольких человек остаться. Затем открыл портфель, достал из него несколько бутылок коньяка и закуски. Кто-то из нас поминтересовался, по какому поводу сабантуй. Генрих Романович печально улыбнулся и сказал:

— Дорогие мои, я уже в таком возрасте, когда надо отмечать не только ежегодные дни рождения, но и месяцы жизни.

Очевидно, тогда его терзали какие-то мрачные предчувствия. Однако за столом он был, как всегда, весел. Он умел быть лидером застолья и в то же время внимательным слушателем. Даже в преклонные годы его ясные глаза были молодыми, а взгляд на редкость выразительным.

После этого он прожил недолго. Были долгие и мучительные месяцы тяжелой болезни и угасания...

В начале нынешнего лета ему исполнилось бы 85. Генриха Романовича Осташевского нет с нами, но жива память о нем. И будет жить долго, потому что, несмотря на все драматические и трагикомические коллизии нашей жизни, хороших людей и хороших актеров трудно забыть.

Звезда любви и надежды

Она освещает всю его творческую жизнь. Несмотря на большой жизненный опыт, приступая к сочинению нового произведения, он испытывает эмоциональный подъем и надеется, что оно найдет должный отклик сначала у исполнителей, а затем у публики. В большинстве случаев происходит именно так. Наверное, поэтому музыку Александра Красотова охотно исполняют отечественные и зарубежные музыканты, высоко ценя в ней философскую глубину, эмоциональное многообразие, патетику, юмор, лирическую исповедальность.

Александр Александрович родился в Одессе, в интеллигентной семье, с детства учился музыке. Окончил Одесскую консерваторию как пианист (класс Б. Чарковского), композитор (класс Т. Малюковой) и теоретик (класс А. Когана). Его студенческие композиторские опыты — Первый фортепианный концерт и опера "Конечные сказки" сразу привлекли внимание слушателей. Тогда, на рубеже пятидесятых — шестидесятых годов, стало ясно,

что в украинскую музыку пришел автор, обладающий ярким талантом и большим творческим энтузиазмом. Все последующие годы подтвердили это.

Красотов работает в самых разных жанрах. Он — автор нескольких симфоний и многочисленных камерно-инструментальных произведений, кантат, ораторий и вокальных циклов, песен. Его сочинения в репертуаре многих известных исполнителей. Например, Концерт для трубы с оркестром, написанный по просьбе известного московского музыканта Тимофея Докшицера, на протяжении многих лет был обязательным сочинением для участников международного конкурса исполнителей на духовых инструментах.

Особое место в творчестве композитора занимает театральная музыка. Высокую оценку у музыкальной общественности получили оперы "Тажная песня" и "Михаил Воронцов", мюзиклы "Пятый лишний", "Деятнадцатый", "Верить и ждать", "Звезда любви и надежды", музыка ко многим драматическим спектаклям.

Многие песни Александра Красотова стали по-настоящему популярными. Среди них величественный гимн Украине "Краю мій заповітний", бодря, маршевая "Ми — народ вільної держави", веселая, по-настоящему одесская "Опять иду по лестнице воспелой..." и многие другие.

Музыка Красотова на редкость выразительна. В этом в который раз мы имели возможность убедиться на недавно прошедшем в Одессе XII Международном фестивале "Два дня и две ночи новой музыки", который открывался его Концертом для ударных инструментов в исполнении молодых музыкантов из Фрайбурга.

Педагогическая деятельность композитора — отдельная обширная глава его творческой биографии. Сразу после окончания учебы Александр Красотов начал преподавать в Одесской консерватории. Профессор кафедры теории музыки и композиции, он воспитал целую плеяду композиторов, которые успешно работают в

нашей стране и за рубежом. Главным педагогическим принципом Александра Александровича считает максимальное раскрытие творческой индивидуальности студента. Этим обусловлено уважительное отношение его как педагога к каждому из своих воспитанников. А кроме того, А. Красотов требует от них постоянно расширения своего кругозора, знаний в разных областях искусства, высокой общей культуры. Выпускники Красотова благодарны ему за ту высокую отдачу и требовательность, за школу, благодаря которой они сумели занять достойное место в музыкальном искусстве Украины.

Уже семь лет А. Красотов работает по контракту в Китае, в консерватории города Тяньцзинь. И там среди его воспитанников уже есть победители всекитайских композиторских конкурсов.

Заслуженному деятелю искусств Украины, профессору Александру Красотову исполнилось семьдесят. Юбилейная дата — не более чем возрастной рубеж, который переступается легко, когда у художника много творческих планов и перспектив. Сегодня Александр Александрович активно работает как композитор и педагог и, несомненно, подарит слушателям еще много интересной музыки.

Вероника КОВАЛЬ, кандидат филологических наук

«И ВСЕ ЖЕ ТОСКУЕМ О СТРАННОЙ ОТЧИЗНЕ» (Один из «незамеченного» поколения)

Насчет переселения душ — не знаю. Но что были и есть в мировом пространстве-времени души, родственные нашим, знаю точно. Вдруг окутают теплом строки какого-то средневекового поэта, и поражаешься, что ты, дитя двадцатого века, чувствуешь так же, как он. Или с картины вдруг полыхнет взглядом страстный идадьго и пронзит сердце тоской несбыточной мечты: почему, почему мы не сошлись во времени? Нечто подобное испытала я и при знакомстве с Карлом фон Гершельманом. Сначала с его творчеством, затем — с историей его жизни.

Первопричина моего интереса к личности Гершельмана имеет чуть ли не детективное начало. Сколько-то лет назад таллиннский музей посетил приезжий из Германии. Он назвался сыном художников Карла и Элизабет фон Гершельман. В семье хранится многое из их творческого наследия.

Даже для эстонских искусствоведов сообщение о том, что "нашли" работы подзабытых художников, оказалось сенсацией. Элизабет была эстонкой, дочерью крепостного, который в свое время спас в бою барона Розендорфа, и тот в благодарность даровал ему вольную и свою родовую фамилию. Карл происходил из древнего дворянского рода прибалтийских немцев. Супруги в 20-30 годы прошлого века жили в Таллине. Она занималась росписью фарфора, он — графикой. Вскоре музей открыл для соотечественников эти имена, организовав выставку работ из семейной коллекции и других музеев. Об этой экспозиции и коротко об авторах искусствовед Май Левин поведал в 2005 году на страницах эстонского журнала "Вышгород".

Ну и что? Как говорится, что мне Гекуба, что я ей?

Не могу понять, почему, но при чтении очерка я вдруг подспудно ощутила, что не случайно пришел он мне в руки, не случайно.

Интуиция меня не подвела. Вот оно! Карл Гершельман (он не любил свое баронское "фон") учился в Одесском кадетском корпусе, затем на философском отделении Новороссийского университета. Выходит, самые благоприятные для развития личности годы художник провел в нашем городе!

Иллюстрирована была статья несколькими графическими листами художника. По благородству и изысканности рисунка чувствовалась близость его к русскому модернизму, который мне очень интересен, а потому усилился интерес и к автору.

Карл Гершельман, говорилось в рецензии, не только художник, но и поэт, эссеист, философ. Приведена ней в качестве примера строфа из стихотворения, которое полностью я затем обнаружила в одном из эмигрантских изданий:

Удалось однажды родиться.
Обещали — жизнь впереди.
От надежд голова кружится,
Сколько силы в плечах, в груди.

Вот и юность. —
Теперь уже скоро.
Вот и старость. Где же, когда?
— За окном: решетка забора,
Телефонные провода.

Это в с е? — Конечно, до гроба.
Это жизнь? — А кто же? Она.
— Значит, это лишь так,
для пробы,
Значит, будет еще одна.

Странный диалог лирического героя с кем-то, кто, видимо, знает ответ на все вопросы! В нем столкнулись нетерпение юности, разочарованность от несбывшихся надежд, самоирония, зашкаливаю-

щий оптимизм... Ясно, что поэт — человек не только чувствующий, но и думающий.

Все узнанное из статьи говорило о том, что разностороннее творчество Карла Гершельмана — не однодневка, не суррогат искусства, а подлинное искусство. Как интересно было бы вчитаться в прошлые страницы его стихов, взглянуть в рисунки, почувствовать, что тревожило душу его поколения!

Значит, нужно "копать"! В Одессе из знакомых мне краеведов и литературоведов об этой интересной личности никто не слышал. Нитью Ариадны послужили сведения, собранные в статьях и книгах исследователя Сергея Исакова. Он собрал огромный материал о взаимодействии культур различных национальностей. В частности, много лет изучает культурные связи Эстонии с Россией и Украиной. Через него я вышла на различные издания, в том числе эмигрантские. Погрузилась в плохо знакомый мне ранее мир, где жили, творили, чувствовали насыщенные разлученные с родиной люди.

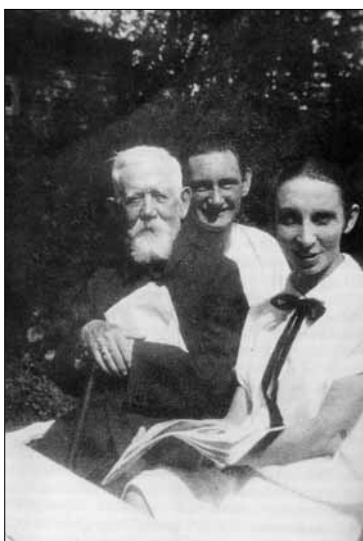
Карл фон Гершельман был среди них фигурой не одиозной, но заметной и, как мне кажется, являлся для них в определенной степени камертоном художественного вкуса и человеческой порядочности.

Для начала — линия его жизни, хотя бы пунктиром.

В 1899 году в Севастополе, в семье Карла Львовича фон Гершельмана, доктора медицины, генерала медицинской службы, родился сын. По дворянской традиции называли его именем отца. Военная профессия была, так сказать, фамильной. Второй сын Карла Львовича, Михаил, как удалось выяснить, в первую мировую был подпоручиком 2 дивизии 15 артиллерийской бригады. В начале нового века генерала перевели по службе в Одессу. Видимо, тоже на начальствующую военную должность, поскольку сведения о нем занесены в Адрес-календарь Одесского градоначальника на 1912 год. Он являлся членом совета Евангелическо-лютеранского прихода церкви св. Павла.

Поселился генерал с семьей на улице Херсонской, 17. Представте мои чувства: долго изучать биографию героя и в конце понять, что он провел детство и отрочество в двух шагах от библиотеки, где я листала Адрес-календарь! Вглядывался в те же лепные орнаменты на купеческих домах, слышал крики торговцев с того же Нового рынка, конское ржание и скрип телег по утрам. Я словно видела — вот идет худенький мальчик в кадетской форме и подкидывает ногами желтую листву деревьев, которые тогда вовсе не были большими... Мне становилось по-человечески ближе и понятней то, что выскажет он впоследствии в своих стихах-размышлениях.

В 1906 году мальчика определили в Одесский кадетский корпус. Однако запомнились ему из этих

В центре семейного снимка
Карл фон Гершельман

лет не только уроки ратного дела. В длинном автобиографическом стихотворении он вспоминает

О том, как лежал кадетом
В саду, в траву животом,
И были: сад разогретый
И я, и Жюль Верна том...

Не просто о чтении идет речь, а об увлечениях, которые шли вразрез с семейными традициями. Формально Карл следовал им. Окончил кадетский корпус, Михайловское артиллерийское училище в Санкт-Петербурге. Участвовал, правда, недолго, в первой мировой. Был капитаном лейб-гвардии 3-й гвардейской артиллерийской бригады. Воевал в войсках Деникина и Врангеля на Южном фронте. Но все-таки верх взяла иная страсть. Юноша круто повернул судьбу свою в те поля, где говорили не пушки, а Музы. Он поступил на философское отделение Новороссийского университета.

Получить серьезное образование не пришлось. Вместе с армией Врангеля Гершельман был эвакуирован в Турцию. Только через год ему удалось через Болгарию, Румынию и Польшу пробраться в Ригу, а с 1922 года он в Таллине. На этом карьере военного закончилась. Он служил чертежником-графиком в министерстве земледелия, на лесопильной и текстильной фабриках. Впоследствии он будет вспоминать

Про годы скучной работы,
Про то, как становишься стар,
Про службу, деньги, заботы
И вечной спешки угар...

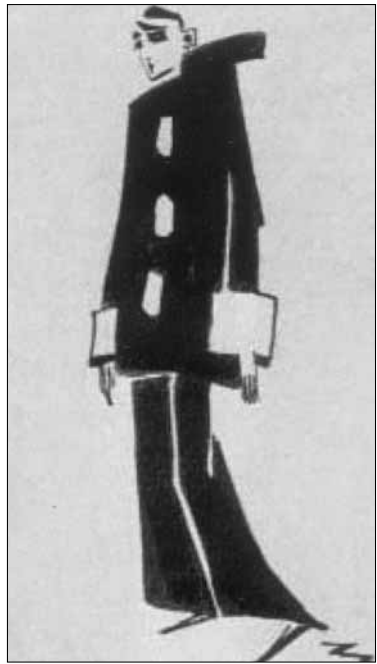
Однако у истинно талантливой природы под серой золой буден горит-разгорается золотой огонь иной жизни — радостной, прекрасной, потому что — творческой. Каждую свободную минуту Карл посвящал искусствам. Он влился в художественные и литературные круги города. И жену там встретил. Элизабет уже выставляла свои тонкие, изящные акварели, расписывала фарфор. Сохранилась интересная фотография тех лет, сделанная где-то на даче. За дощатым столом сидят Карл-старший — седовласый, почтенный, в черном сюртуке, и Карл-младший с молодой женой — оба в светлом, улыбаются, будто день сулит им только счастье.

Первые показы работ и первые публикации сделали Гершельману имя. А он творил все напряженной и смелой. Техника оттачивалась, размышления обретали глубину.

Он стал постоянным участником художественных выставок и литературных сборников. Таковыми оказались по результатам эти "годы скучной работы".

В 1940 году Карл после мучительных колебаний был вынужден покинуть Эстонию. Годы войны он с женой и детьми Константином и Анной провел в Польше. В 1945 году семья бежала через Берлин в баварский городок Эйхштадт. Там уже больной астмой художник занимался иллюстрированием детского католического журнала, написал "Распятие" для местного монастыря.

21 декабря 1951 года Гершельмана не стало. В эмигрантском "Новом журнале" (Нью-Йорк, 1952, № 31) писатель Юрий Иваск выступил с прощальным словом о старом друге, с которым немало копий было сломано в литературных дискуссиях: "Высокого — рыцарского — роста, с неистребимой выправкой военного, всегда тщательно одетый, (хотя часто бедствовал) и подтянутый, он был скромным и даже застенчивым, и не внешне, а внутренне походил на своего любимого толстовского героя — Безухова. Как Пьер, он думал свою думу и имел контакт только с людьми узкого дружеского круга, чуждого суесть и тщеславия. Для немногих, знавших К.К., его смерть — потеря, которую нечем заменить".

Пьеро
Тушь. Конец 20-х годов
Из коллекции Гершельманов. Германия

Итак, известно, что Карл Карлович жил с родителями в Одессе примерно с семи до двадцати лет. Он впитывал вольный воздух Южной Пальмиры, вглядывался в необозримую горизонт, за которым детское воображение рисовало картины экзотических городов Востока, ленивую роскошь африканских базаров. Кадетов часто выводили на море, они лазили по скалам, учились гребле и плаванию. В стихах и рисунках Гершельмана мне не встретились пейзажные импрессионистские зарисовки Одессы. Возможно, он не сохранил детские опыты в эмигрантских скитаниях. Но я ближе к другому объяснению: склонность к философии заставляла его отмечать детали, пусть даже живописные, поскольку в каждом явлении он искал квинтэссенцию.

Несомненно, в кадетском корпусе он получил широкое образова-

ние. В 1906 году, например, в фундаментальной библиотеке корпуса было 3,5 тысячи книг, представляющих историю военного дела, философских учений, мировую художественную литературу. Практиковались приватные уроки рисования карандашом и масляными красками. Кадеты лепили модели из воска, осваивали ремесла, фотографию. Мальчики сообщали готовые театральные представления — разыгрывали классические сюжеты, писали декорации.

Старшие кадеты получали в качестве поощрения возможность провести свободное время в центре города. А там поэтической натуре было от чего растеряться, было чем подпитаться. На литературном и художественном фронтах происходили настоящие баталии. Страсти кипели между приверженцами классического искусства и авангардистами. В живописи традиционную для Одессы южнорусскую школу теснили всяческие "измы" — имажинизм, кубизм, фовизм, супрематизм... "Салон независимых" привлекал, конечно, в первую очередь, бунтарски настроенную молодежь, студенчество. Ниспровергатели старого искусства камня на камне не оставляли от традиционных художественных ценностей. Работы Василия Кандинского, братьев Бурлюков, Павла Филонова, Александры Экстер, безусловно, оказали влияние на эстетику Гершельмана большее, чем реалистическая школа. Трудно сказать, посещал ли начинающий художник открывшуюся в 1918 году свободную школу пластических искусств или художественную школу Александры Экстер, но его творчество говорит о серьезном знании русского и европейского искусства и хорошем владении ремеслом.

Молодой кадет имел возможность посещать популярные тогда поэзоконцерты. Их афишами пестрели газеты. В Русском театре потрясли публику громогласные Владимир Маяковский и Давид Бурлюк. Сладкоголосый Игорь Северянин выступил в компании лиропозста Вадима Бояна и артистико-футуристски Эсклармонды Орлеанской. В 1918-19 годах молодые поэты Анатолий Филолетов, Зинаида Шишова, Семен Кирсанов, Вера Инбер, Вениамин Бабаджан, Эдуард Багрицкий ярко заявили о себе. Литературное общество "Зеленая лампа" пропагандировало новое искусство, свободное от устаревших идей и языковых штампов. Альманахи "Шелковые фонари", "Авто в облаках", "Седьмое покрывало" были тому свидетельством. В этих сборниках нет стихов Гершельмана. Возможно, он посещал занятия литературных сообществ, поскольку впоследствии активно выступал с критическими разборами стихов собратьев по перу. Но, кажется мне, "веселое племя щелкоперов и болтунов" было не вполне созвучно самоуглубленности Карла. Скорее всего, он в те годы созрел как поэт и отошел к себе самокритично, но не пытался подделаться под авторитеты.

Особую страсть Гершельман, судя по его литературному и научному наследию, питал к философии. Отвоевав свое ("на рассвете — рокот пушек по шоссе"), он стал студентом философского отделения. Один из авторов статьи о творчестве Карла Карловича пишет, что из занятий философией у юноши ничего не вышло. Это не так. Время для учебы было самое что ни есть неподходящее. Теоретичкини в Новороссийском университете можно было по-

лучить фундаментальные знания. Сама атмосфера разумного жизнеустройства, которую принесли в город его первоуправители, философские сочинения мирового уровня из библиотеки Ришелье и трех поколений Воронцовых, высокообразованные преподаватели — все было в университете. Достаточно назвать доктора философии, заслуженного ординарного профессора Николая Ланге. Его учебник логики был удостоен премии им. Петра Великого. На его лекции по философии математики ходили студенты всех факультетов. Много времени он уделял студенческим кружкам. Зная это, начинаешь понимать, чем навеян загадочный рисунок Гершельмана "Математик": худой человечек с прозрачным мозгом, в котором происходят, как в колбе, некие реакции, вычерчивает замысловатую конструкцию, вектор которой направлен в будущее. Думаю, что подобную манеру определили и увлечение наукой, и фантазии утопистов двадцатых годов, и ирония, которая прошивает ткань всех произведений Карла.

Университет в те годы содрогался от забастовок, застывал от холода, голодал, а, главное, профессорско-преподавательский состав и студенчество раскололись на два непримиримых лагеря. Профессура приветствовала приход в Одессу союзнических войск. В 1919 году Совет университета принял постановление избрать главнокомандующего вооруженными силами юга России генерал-лейтенанта А.И. Деникина почетным членом Новороссийского университета (в 1920 году оно было отменено).

7 февраля 1920 года Красная Армия заняла Одессу. Карл Гершельман в это время уже был призван в белую армию. При эвакуации добровольческой армии из Одессы бежала за границу большая группа профессоров во главе с ректором Кишенским. В документах архива университета их отъезд обозначен как "заграничные командировки". С этой волной эмиграции покинул Одессу и студент Карл Гершельман. Однако занятия на философском отделении стали для него серьезной основой для постоянного углубления знаний в этой области, по сути, сформировали его мировоззрение.

К сожалению, получить полное представление о творчестве Карла фон Гершельмана пока не представляется возможным. Его работы как художника, в основном, находятся в коллекции семьи. Всего лишь восемь стихотворений мне удалось разыскать в различных антологиях эмигрантской поэзии. Но надеюсь, очень надеюсь, что более глубокое знакомство с наследием незаурядного человека, сложившегося как творческая личность в нашем городе, еще впереди. А пока — то, что открылось.

Выставлялся Карл начал в Таллинне с 1925 года. Он писал акварелью, рисовал тушью и карандашом, иллюстрировал книги, создавал эскизы декораций, рисунки для тканей, занимался прикладным искусством. Оформлял альманахи "Девственная земля" и "Новь". Его привлекали фантастические, сказочно-фольклорные, религиозные сюжеты. Он постоянно обращался к классике. В его художественном творчестве нашли отражение мотивы поэзии и прозы Пушкина, Лермонтова, Достоевского, Блока. Он был воспитан на русской культуре, был плотью от плоти ее.

Карл предъявлял к себе высокие требования в смысле художественной формы. Как отмечает искусствовед Май Левин, в образно-стилевом отношении его акварели, гуаши и рисунки примыкают к русскому символизму, к "Миру искусства", к стилю модерн, впитавшему в себя элементы кубизма и тяготеющего к арт-деко. Те репродукции, которые мне довелось увидеть, несут на себе печать времени. Они по духу сродни то изысканному романсам Вертинского, то гротеску карикатуристов, то нарочито грубой манере футуристов, то словно вышли из-под легкого пера романтика. При всем при том от

работ остается впечатление самобытности и целостности.

Гершельман был участником выставок в Тарту, Хельсинки (1929 г.), Киле, Кенигсберге, Любеке, Берлине (1929-30 гг.). Имел несколько персональных выставок. В августе-октябре 2004 года работы Карла и Элизабет демонстрировались в музее Адамсона-Эрика в Таллинне.

Более полно отражена в критике поэтическая и философская "составляющая" творчества Карла фон Гершельмана. Прежде всего нужно подчеркнуть, что она отражает мировоззрение сотен и сотен творческих людей, покинувших родину. Их масса неоднородна. Одну часть составляли те, кто уже имел имя в русской литературе, такие, как Куприн, Бунин. Вторая часть — дети таких людей. Они не видели Россию и любили ее только лишь отраженной в воспоминаниях отцов и матерей. Гершельман отно-

На тему фильма Ф. Ланга "Метрополь" Тушь. 1926-27 гг.
Из коллекции Гершельманов. Германия

сился к третьей категории — тех, кто увез с родины ярчайшие впечатления детства и юности, душой остался там, не сумев прикипеть душой к чуждой жизни. Принадлежавший к этой когорте писатель Владимир Варшавский с болью говорил: "Пожалейте нас больше, чем всех ваших предков. У них было много горя, которое делало их достойными сострадания. У нас не было того, что их утешало". Он называет своих сверстников "незамеченным" поколением.

Надо отдать Варшавскому должное: в своем исследовании он делает все от него зависящее, чтобы память о талантливых литераторах не канула в Лету. Нельзя без скорби воспринимать приведенные им слова Владимира Ходасевича: "В известном смысле историю русской литературы можно назвать историей уничтожения русских писателей".

Трагически погибли еще молодыми Н. Гронский, В. Диксон, Б. Новосадов, Б. Поплавский, С. Шарнопольский. Покончил с собой Болдырев. Пропал без вести Агеев.

От тяжелых болезней, ранее, от тяжелой жизни преждевременно умерли Вера Булич, Карл Гершельман, Ирина Кнорринг, И. Савин".

Три главных темы определяли все творчество "незамеченного" поколения: Россия. Чужбина. Одиночество.

Карл Гершельман в этом смысле типичен. Расцвет его поэтической деятельности приходится на 30-е годы. Этому немало способствовало то обстоятельство, что русская диаспора была в Эстонии довольно многочисленна и активна. Только в Таллинне работало более тридцати русскоязычных писателей, существовало шесть литературных кружков. Карл был одним из организаторов и деятельных участников Ревельского цеха поэтов. Прочитал там доклады "О рифме", о поэзии Юрия Иваска, о сборнике стихов Г. Иванова "Розы". Участвовал в работе интересного Нымесского литературного кружка. Был членом правления русского таллиннского Литературного кружка. Сотрудничал в альманахе "Новь". Его статья "О современной поэзии" вызвала отклики в зарубежной прессе.

Свои произведения Гершельман отдавал в печать редко и неохотно.

Ни одного сборника он не составил. Большинство стихов, статей, эссе увидели свет после его кончины благодаря американской исследовательнице эстонского происхождения Темире Пахмус. По ним можно в определенной степени "реконструировать" мировоззрение и склад души Карла.

Словно именно о нем отзывалась поэтесса Зинаида Шаховская, характеризуя эмигрантов: "...их интересуют не столько "вещи мира", сколько их скрытый смысл. На всем их творчестве лежит отпечаток интеллектуальности, субъективности". Я бы добавила, что поэзия Гершельмана является попыткой заглянуть в подсознание и одновременно осмыслить себя и человека вообще в контексте мирового и даже космического времени.

Философствование в поэзии — вещь опасная. Набор истин, пусть даже глубоких, не вызывает чувственного отклика, а именно в нем — сила влияния поэзии. Карл Гершельман умел выразить тревожащие его сердце мысли через образы, ритм, звукопись. Таинственный переход настроений, перепад эмоций в его лирике достигаются гармонией рационалистичности и чувственности, возвышенности и иронии. Вот пример:

В далекой вечности,
когда я стану Богом
И наконец сполна
вселенную создам,
Я вспомню налегке,
как по земным дорогам
Я брел беспомощно,
растерян и упрям.

И я пойму тогда,
сквозь ласковую жалость,
Зачем такой смешной,
в штанах и пиджаке
Стоял я у окна.
И солнце расплзлось
По лужам мартовским
и по моей руке...

Любопытный штрих. Когда составитель антологии "Вернуться в Россию — стихами" (1995 г.) В. Крейд решил в предисловии привести пример совершенной поэтической формы, он вознамерился взять одну строфу из стихотворения Гершельмана "Золотое". Однако все строфы были настолько гармоничны, что В. Крейд привел их полностью.

К сожалению, Карл Карлович не ставил даты под своими произведениями, поэтому трудно проследить его эволюцию как поэта. А может быть, это и не стоит делать. Нужно просто наслаждаться мудростью спокойствия автора, сквозь которую лишь иногда прорывается безысходность в странном сочетании с жизнелюбием и озорством.

Писал он и рассказы, некоторые опубликованы. Это размышления о сущности бытия и других метафизических вопросах. В них сталкиваются реальность и фантазия, явь и сны, а человек находится в "пограничной" ситуации, что сближает взгляды писателя с эстетикой французского экзистенциализма. Тем же вопросам посвящены его философско-религиозные эссе и статьи, в частности, "О царстве Божиим". Думаю, что большую ценность представляет неопубликованная многолетняя переписка

Видения
Тушь, акварель. Конец 20-х — начало 30-х гг.
Частное собрание. Германия

Карла с русской поэтессой Верой Булич, жившей в Хельсинки. Однако для нас этот и другие источники недоступны.

Гершельман провел последние шесть лет жизни в Германии, но все его художественные и литературные привязанности были в прошлом. По духу он остался поэтом "парижской школы", как и большинство поэтов-эмигрантов. Что же значило их совокупное творчество в контексте русской литературы первой половины XX века? Об этом не скажешь лучше, чем Юрий Иваск, составивший антологию русской зарубежной поэзии "На Западе": "...самый факт эмиграции обогатил русскую поэзию "новым трепетом" и — следовательно — наше несчастье было одновременно и нашей удачей".

Прожил Карл фон Гершельман по нынешним меркам немного — чуть более полувека. А успел сделать в полунищенских условиях эмигрантского быта очень много. И мы, несомненно, должны отдать дань уважения этому человеку. Пусть он не будет "незамеченным" в том городе, где прошли счастливые годы его жизни.

Кстати, последняя мемориальная выставка Карла фон Гершельмана состоялась в 1989 году в германском городе-побратиме Одессы — Регенсбурге.

СТИХИ КАРЛА ФОН ГЕРШЕЛЬМАНА

Этот мир,
где Пушкин и Шекспир,
Где зубная боль и поцелуй,
Где сижу я,
удивленный, и слежу я, —
Этот странный,
этот четкий мир...

Сам в себе,
как в театральной ложе,
С каждым днем внимательней
и строже,
Я слежу. Сравнительно большой
Проплывает мир передо мной.

Проплывает
отрочеством дальним
(Лодка над рекою и купальня),
Проплывает поцелуем у ворот
(Очень близкая щека и рот),

И войною девятнадцатого года
(На рассвете грохот пушек
по шоссе),
Папиросою ночного перехода,
Конской гривой в росе.

Проплывает этим садом и окном,
Лампою
над письменным столом...
Этим стулом проплывает,
торжествуя,
Где сижу я, удивленный,
и слежу я...

Сам в себе,
как в ложе театральной,
С каждым днем и строже
и печальней,
С каждым днем
все чище и нежней,
Из прозрачной глубины моей...

***

А самое главное? — вот что:
Я живу и жизнь хороша,
Утром солнце из сада, ночью —
Робкий шорох карандаша.

Кто-то вывел меня из потемок,
Поведет он меня и впредь.
Жить доверчиво, как ребенок,
И доверчиво умереть.

И окончится все, как надо:
Если надо: навеки спать,
Если надо — солнце из сада
И стихи, и я сам — опять.

***

Сижу над стаканом чаю,
Вечерние окна глухи.
Я жизнь, как стихи, читаю,
Читаю жизнь, как стихи.
Поэма страниц на триста.
Читаю в один присест.
Растянуто, водянисто,
Лишь пара удачных мест.
Удачны отдельные строки,
Ну, скажем, первые сны
О том, что женские щеки
И розовы, и нежны.

Строки о первом романе:
Как в комнате у нее
Сидели в углу на диване,
Сидели — и это все.
О том, как лежал кадетом
В саду, в траву животом,
И были: сад разогретый
И я, и Жюль Верна том.
Или еще (не вчера ли):
В столовой, молча с женой,
И четко часы стучали,
И четко часы надо мной...
Отдельные полные строки,
Насыщенной жизни клочки,
Беспримесной и глубокой,
Все прочее — пустяки.
Все прочее — нагроможденье
Пустых и случайных фраз.
Плохое стихосложение,
Ненужно длинный рассказ
Про годы скучной работы,
Про то, как становишься стар.
Про службу, деньги, заботы
И вечной спешки угар,
И даже про климат гадкий,
Про дождь несносный наш...
Читаю все по порядку
И злобно грызу карандаш.
На каждом шагу заминка,
Вычеркиваю и рву.
Вот эти главы в корзинку,
Оставь одну строку.
Задумано — гениально.
Исполнено — ерунда.
С решительностью похвальной
В корзинку — и без следа.
Сижу над стаканом чаю,
Перебираю клочки.
Я жизнь, как стихи, читаю
Сквозь старческие очки.

***

Мне кто-то подарил
окно в весенний сад
И складки легкие
оконной занавески,
И сквозь окно
в саду отвесных сосен ряд,
Их бурые стволы
в косом закатном блеске.

Взволнованно слежу,
как медленный закат
Беззвучно клонится,
огромен, чист и ярок,
О, неужели Бог
когда-нибудь назад
Свой удивительный
потребуется подарок.

***

Мы к этому дому,
и к этой постели,
И к этому миру
привыкнуть успели.

А было — ведь было! —
совсем по-иному:
Ни этого мира, ни этого дома,
И было чернее, но чище и шире
В том странно-забытом,
дожизненном мире.

Боимся мы смерти,
грустим о потере,
И все же влечемся
к таинственной двери,

И все же тоскуем
о странной отчизне,
О странно-забытой,
дожизненной жизни...

Но дверь отворилась,
взошли на крыльцо,
Нам черное,
чистое дышит в лицо.

***

Не напрасно загорелось
золотое,
Золотое,
что мы жизнью называем:
Эти сосны, освещенные зарею,
Это облако
с порозовевшим краем.

Эти ведра у колодца,
с легким плеском,
С мягким плеском
рассыпающие воду,
Гул трамвая
за соседним перелеском,
Отдаленный перезвон
по небосводу.

Из-за четкого вечернего покоя,
Из-за тучки
над колодцем тонкошеим,
Из-за жизни напыляет золотое,
Золотое, что назвать мы не умеем.

На снимке Ольга Разинкина около своей дипломной работы

Первая персональная

Знаю, как многие художники оттягивают первый публичный показ своих картин, понимая, как это ответственно и серьезно. И радуюсь, когда эта боязнь у них проходит, когда созревает решение не только показать свою работу зрителю, но и взглянуть на себя со стороны.

Ольга Разинкина — преподает живопись на худграфе Одесского педагогического. Ей 33 года, и у нее есть ученики. Казалось, чего бы еще желать... Но она, попробовав себя в художественной критике, в педагогической работе, не могла отказаться от главного — наслаждение ей приносит живопись, то мгновение, когда она с кистью, с палитрой, стоит у холста.

И вот первая персональная выставка, после участия в ряде групповых. Очень разные пути, пока на ощупь, открывает художница. Лирический пейзаж, продолжающий традиции южнорусской школы, декоративные панно, острые, формально-изысканные обнаженные женские фигуры...

Как сложится ее дальнейший творческий путь, какую дорогу она выберет? Она сама еще не может ответить на этот вопрос. Но осознает, что время само уже поставило его перед ней.

Но единственное, что можно уверенно утверждать, — в зале Всемирного клуба одесситов (Маразлиевская, 7) родился еще один художник.

Евгений ГОЛУБОВСКИЙ

Анатолий ГОРБАТЮК

О СТАРЫХ И НОВЫХ ОДЕССКИХ ДАЧАХ, А ТАКЖЕ О ТОМ, КАК ШУТЯТ ОДЕССКИЕ ДЕТИ...

I.
...Ах, старые одесские дачи, воспеты Паустовским и Жванецким, как мало осталось вас — настоящих одесских дач. Нет, общее количество этих индивидуальных мест отдыха трудящихся в Одессе и ее благословенных окрестностях за последние годы резко возросло. Однако большинство из них, при всем своем великолепии внутри и вычурности архитектурных фрагментов снаружи, к категории "настоящих одесских" никак, ни с какой натяжкой отнесены быть не могут. Обитатели старой одесской дачи первым делом предложат вам пройтись на пляж, куда хозяин поведет вас самой короткой дорогой по еле заметным в густом бурьяне тропинкам.

...Проведя несколько часов на пляже, той же самой короткой дорогой вы вернетесь на дачу, ополоснетесь под душем или обмоетесь тепловатой водой из тазика и, взойдя на веранду, будете приятно поражены великолепием накрытого стола. В центре его, на самом почетном месте, стоит блюдо с только что пожаренными бычками. Рядом, на чугунной подставке, устроилась огромная алюминиевая кастрюля, из-под крышки которой пробивается ароматный парок, благодаря которому вы безошибочно отгадываете, что в кастрюле — целиком отваренная рассыпчатая картошка, густо посыпанная укропом и сдобренная изрядной порцией крестьянского желтоватого масла. В глубокой тарелке в обрамлении веточек петрушки отликает матовым блеском икра из "синеньких", конечно же, и близко ничего общего не имеющая с консервированной баклажанной икрой. Рядом, в вазочке, покоится самый вкусный в мире форшмак. В большом блюде мирно соседствуют крупно нарезанная ароматная кровяная колбаса и не менее ароматная овечья брынза, выбирал которую лично хозяин, для чего дважды обошел весь молочный корпус Привоза. По краям стола стоят еще две вместительные вазы с разрезанными пополам знаменитыми одесскими степными помидорами, огурчиками и сладкими красными перцами. Масло, только что вынутое из холодильника и наструганное на терке, лежит в нескольких местах рядом с ломтиками черного "московского" хлеба...

...После обильного, но совершенно не отяжеляющего ваш драгоценный организм обеда вы с удовольствием примете предложение хозяев подремать часок, и вас проводят в одну из прохладных спален, где на стареньком слегка продавленном диванчике вас ждет прохладная белоснежная постель. Утренние морские купания и несколько рюмок доброй перцовки за

обедом самым благотворным образом повлияли на вашу расшатанную нервную систему, и спустя несколько минут вы уже тихонько посапываете в полнейшей тишине.

Вы проснетесь необыкновенно свежим и отдохнувшим, когда солнце уже скатилось куда-то за старые постройки на Дальних Мельницах, и, выйдя на веранду, увидите, что все готово к вечернему чаепитию: на столе стоят чашки, сахарница, нарезанный кружочками лимон, чайник с восседающей на нем краснощекой куклой-купчихой для сохранения тепла, вазочка с клубничным вареньем ("Только две недели как сварили"), а в самом центре — новое произведение неутомимой хозяйки — горка еще шипящих в масле сырников и нечто, напоминающее по виду оладьи, но не оладьи вовсе. Будто прочтя в ваших глазах вопрос, хозяйка тут же предложит вам: "Берите блинчики из кабачков, только что приготовила!..."

...Проводить вас отправляется вся семья. Все. Праздник окончен. Утром — на работу...

II.

...Смешная же история, которую я обещал рассказать тебе, мой терпеливый читатель, произошла вовсе не на старой даче, а наоборот — относительно недавно построенной. Нет, все остальное — месторасположение (прямо в Аркадии), гостеприимство, все прочие традиции — как на старой, а вот сами постройки — уже не те: дом трехэтажный, с двумя туалетами (их и уборными-то не назовешь — с арабскими умывальниками, ваннами и унитазами такой небесной голубизны, что на них и присесть как-то страшновато), большая кухня-столовая и все такое прочее, что сегодня считается стильным. Если, конечно, средства позволяют.

...На дачу мы приехали часов в одиннадцать, точно как учил нас мой друг Сима, нажали на кнопку звонка. Встречать нас вышел Сима. Еще издали услышали хриплый собачий лай, а когда подошли поближе и увидели самую "собачку" — огромное злобное животное, рвущееся с цепи, — стало не по себе... Удовлетворившись впечатлением, произведенным на нас зверем, Сима начинает тут же излагать весьма поучительную историю на ту же тему...

Почувственная история, рассказанная Симой на даче в Аркадии ... июля 198... года

...В связи с подошедшей годовщиной со дня рождения наследника хозяев дачи на семейном совете было решено пригласить фотографа,

чтобы запечатлеть ребенка в этом трогательном возрасте. Выбор пал на Фиму-очкарика. Фима был человеком, не пьющим горькую, что для людей этой чрезвычайно вредной профессии — большая редкость. Во время телефонного разговора, состоявшегося между мамой ребенка и Фимой-очкариком, были оговорены все вопросы, начиная с самого главного ("Если не секрет, сколько стоит это удовольствие?") и кончая временем встречи ("В воскресенье ровно в одиннадцать я буду вас встречать у входа"). Потоптавшись в нерешительности около калитки, Фима-очкарик замечает слева от нее кнопку звонка и жмет на эту кнопку несколько раз, после чего толкает калитку, обнаруживает, что она не заперта, и оказывается в злополучной аллее...

...Как Фима сумел вовремя увидеть молча мчавшееся на него свирепое животное (очкарик ведь!) — явление не вполне объяснимое. Бросив чехмоданчик, мастер детской фотографии на глазах обалдевшей собаки миглом перемахивает через забор... Он оказывается на дружественной территории соседней дачи. Точнее будет сказать, не на всей территории, а на зеленом навесе из винограда, в который и "приземлился" (ну, а как сказать — "привиноградился"?). Этот последователь Валерия Брумеля... Вернуться на соседнюю территорию Фима-очкарик согласился только после того, как собаку закрыли в какой-то подсобке...

Хозяин дачи не поверил, конечно же, что этот тщедушный человечек смог преодолеть с ходу забор высотой более двух метров. Более того, он попросил Фиму-очкарика повторить этот "смертельный номер". "Угроза Брумелю" категорически отказался. Тогда хозяин повторил свою просьбу более настойчиво, присовокупив к ней приз — ящик армянского коньяку. Непьющий фотограф попытался в уме быстро умножить 24 (число бутылок в ящике) на 15 (стоимость одной бутылки), сбился, но понял, что деньги получаются сумасшедшие, и потому согласился. Он очень хотел получить приз, но не то что перепрыгнуть — подтянуться на проклятом заборе не смог!...

III.

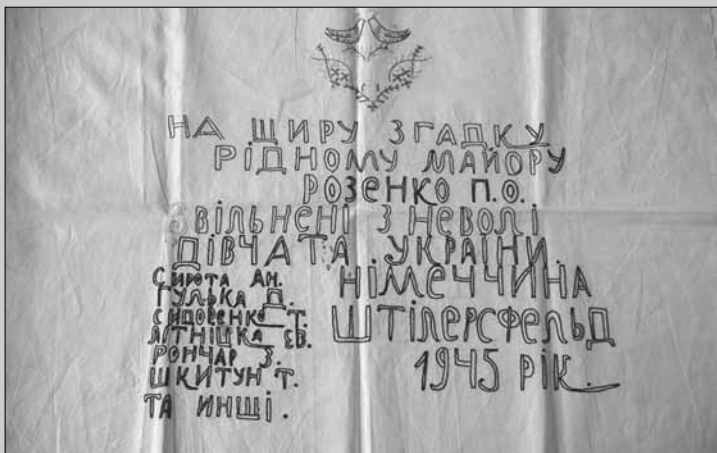
...После пляжа был накрыт традиционный одесский дачный стол. Алеша, любимый и единственный Симин сын, довольно шустрый отрок лет четырнадцати-пятнадцати, незаметно принес в кухню радиодинамик и установил его поближе к тете Кате — Симиной тетушке очень и очень почтенного возраста, плохо слышавшей и видевшей, но для своих лет еще достаточно

бодрой. Провода от динамика были протянуты в соседнюю комнату... Женщины завели какой-то обычный разговор, когда неожиданно оживилось радио. "Внимание! Внимание!" — заговорило оно, и все, находящиеся в кухне, заулыбались, потому что узнали Алешин голос. Все — кроме тети Кати, на радио вообще никак не реагирующей... "Внимание! Внимание!" — повторило радио после некоторой паузы. — Передаем Указ Президиума Верховного Совета СССР... Кухня уже с видимым интересом ожидала продолжения. Прислушалась и тетя Катя...

Довольно громко хрустнув у самого микрофона яблоком, "диктор" продолжал: "За большие заслуги перед советским государством и Коммунистической партией наградить орденом Ленина: Алексеева Виктора Абрамовича, Абрамова Алексея Викторовича, Кандыбу Екатерину Самойловну..." "Что-что?!" — вскрикнула тетя Катя, услышав свое имя, отчество и фамилию. "Повторяю! — мгновенно отреагировало "радио". — Наградить орденом Ленина Кандыбу Екатерину Самойловну..." В динамике раздался весьма странный звук, очень похожий на едва сдерживаемый смех, потом что-то щелкнуло — и все смолкло. Присутствующие в кухне затаили дыхание, боясь поднять от пола глаза, чтоб не расхохотаться — в лучшем случае. Гнетущее молчание первой нарушила тетя Катя. "Вы думаете, это Он меня вспомнил? А в жизни! Это Она меня вспомнила. А, это же надо — через столько лет... Мы с Ней вместе на Херсонщине в 21-м году на комсомоле работали. Ну-ну... Лучше поздно, чем ничего!..." Кухня безошибочно определила, кого имела в виду тетя Катя, — товарища Брежнева, конечно, и его супругу. "Награжденная" тут же потребовала чистый лист бумаги, ручку и, не откладывая дело в долгий ящик, принялась за составление списка приглашаемых на банкет, который она устроит по поводу получения высокой правительственной награды...

***

...С тех пор прошло больше двух десятков лет... Дача, о которой я пишу, давно поменяла своих хозяев... Много лет нет уже тети Кати, так и не дождавшейся своей единственной в жизни награды... Мои друзья, Сима и Гая, живут сегодня в Нью-Йорке — в нескольких кварталах от сына, который давно имеет собственную семью и души не чает в своих детях... И Сима, и Алеша любят пошутить и сегодня, что так необходимо в нашей непростой жизни. Но вот та шутка, одесская, на даче в Аркадии, мне почему-то милее...

Тепло человеческих рук

Мы открыли этот номер газеты фотографией, сделанной на теплоходе "Победа", — символической фотографией, как справедливо считает краевед, коллекционер, доктор технических наук академик Михаил Пойзнер, завершивший этой фотографией свой альбом об Одессе и одесситах в Великой Отечественной войне.

И завершаем номер газеты фотографией одного из новых экспонатов собрания Михаила Пойзнера. Она не успела попасть в составленный им (и Олегом Губарем) альбом. Экспонат — уникальный, существующий в одном-единственном экземпляре.

Это вышиванка. Ее вышили узницы концлагеря, освобожденные советскими войсками, в благодарность офицеру, нашему земляку, возглавлявшему операцию по спасению узниц. Прошел 61 год. Но до сих пор хранит эта вышиванка тепло человеческих рук.

Редактор Евгений ГОЛУБОВСКИЙ. Коммерческий директор Леонид РУКМАН.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Ответственность за точность сообщаемых фактов несут авторы. Взгляды редакции не всегда совпадают с точкой зрения авторов.

Дизайн и компьютерная верстка: компьютерный центр ТИА "Вікна-Одеса" (тел. 23-13-60).

Регистрационное свидетельство N 508. Тираж 1000. Заказ N _____. Газета отпечатана в типографии "СІЧ".

Адрес редакции: 65014, Одесса, ул. Маразлиевская, 7. Тел. 724-01-35. www.odessitclub.org.